

НЕ ВСЁ, ЧТО
ТЫ ВИДИШЬ —
ПРАВДА...

ЭЛЛИ ЧЭНДЛЕР

2019_Bar_Kiss.mp4

Это же не Оксана?
Ужас какой...

12:48 ✓

Adobe Premiere Pro
Render Log
DeepFake / Composite
12.04.2024 22:17:03

СЛОМАННЫЙ ТТИКСЕЛЬ

ЛЮБОВЬ • МАНИПУЛЯЦИИ • ПРАВДА

Элли Чэндлер

Сломанный пиксель

<https://litres.ru/74650089>

Аннотация

— Продажная тварь! — кричит он, голос срывается на визг. — Ты с моим другом в баре целовалась, да? Пока я работал, пока свадьбу планировал, ты с Антоном по барам моталась?

В голове секунду полная пустота, будто мозг отказывается складывать слова в осмысленную картину. Антон, бар, поцелуй — три слова, никак не соединяющиеся в единый образ, потому что ничего подобного никогда не происходило. Портниха тихо отступает к двери, бормочет что-то про перерыв, явно не желая оставаться свидетельницей семейной драмы, но никто не обращает на неё внимания.

— Какой бар, о чём ты вообще? — спрашиваю, инстинктивно прикрывая грудь руками, хотя платье полностью закрытое.

— Вот об этом! — Артём хватает телефон обратно, тычет экраном мне в лицо. — Смотри сама, раз забыла!

На экране застывший кадр — я на видео поднимаю голову, кто-то целует меня у барной стойки, лицо целующего размыто движением, но по силуэту, по стрижке узнаваем сразу. Антон. Смотрю на видео секунду, две, пытаюсь понять происходящее, а мозг судорожно перебирает воспоминания — никогда не была с Антоном в баре, никогда не целовалась ни с кем, кроме Артёма,

за последние два года точно. Пальцы дрожат, беру телефон из его руки, вглядываюсь пристальнее, замечаю странную рябь по краю кадра, лёгкий сбой в освещении на границе плеча — мелочь, ускользающая от глаз человека, охваченного яростью, но цепляющая моё внимание рабочим инстинктом дизайнера, привыкшего разбирать изображения на составные части.

Содержание

Глава 1. Кофе в архитектуре	5
Глава 2. Лёгкий бриз	12
Глава 3. Натяннутая струна	20
Глава 4. Предложение подписчика	27
Глава 5. Корпоратив	34
Глава 6. Грязная работа	41
Глава 7. Землетрясение	48
Глава 8. Изгнание	54
Глава 9. Чек из АЗС	60
Глава 10. Антон и логика	66
Глава 11. Компрометирующее окружение	72
Глава 12. Пауза	78
Глава 13. Цифровой детектив	84
Глава 14. Первое сближение	91
Глава 15. Ловушка захлопывается	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1. Кофе в архитектуре

— Здесь заголовок теряется, — говорит Антон, водя курсором по макету. — Кнопка регистрации тонет в белом фоне, глаз проскакивает мимо и цепляется только за баннер сверху.

Переговорка маленькая, душная от кондиционера, который дует не в ту сторону. Антон сидит напротив, локти на столе, рукава рубашки закатаны до середины предплечья, воротник расстёгнут на одну пуговицу — единственная вольность, которую он себе позволяет. Экран его ноутбука отражается в очках, и от этого взгляд кажется ещё более закрытым, направленным куда-то внутрь самого макета, а не наружу.

Я подвигаю мышку, меняю оттенок кнопки на два тона темнее, добавляю тень снизу. Антон кивает коротко, будто ставит галочку в невидимом списке. Он всегда так работает: смотрит на экран, не на меня, отвечает по делу, ни слова сверху, ни одной фразы про погоду или выходные, ни одной попытки завести разговор о личном. С ним удобно именно поэтому — никакой воды, никаких пустых разговоров, за час можно закрыть то, на что с другими уходит целый день согласований и переписок в чате.

— Так лучше, — говорит он и на секунду задерживает

взгляд, чуть дольше, чем нужно для одной кнопки, прежде чем вернуться к монитору. — Теперь глаз идёт сверху вниз, как надо.

У меня в голове совсем другое: через три недели свадьба, а флористка до сих пор не прислала смету, и утром пришло письмо от банкетного зала с уточнением по количеству столов. Я поворачиваюсь к Антону вполоборота, кручу в пальцах карандаш.

— Слушай, а у тебя нет знакомых, кто занимается рассадкой гостей? Табличками этими, с именами, схемами столов.

— Спроси Лену из соседнего отдела, у неё муж делал что-то похожее для своей сестры прошлым летом, — отвечает он, не поднимая головы от клавиатуры. — Могу скинуть контакт вечером, у меня где-то был его номер.

— Спасибо, было бы здорово.

Он молчит секунду дольше, чем нужно для простого ответа, потом снова утыкается в макет, показывает пальцем, где сдвинуть отступ у формы регистрации, где убрать лишнюю иконку в шапке. Голос ровный, спокойный, без малейшего намёка на что-то за пределами рабочей задачи. Я записываю правки в блокнот и думаю уже не про кнопку, а про то, успеет ли платье к примерке в пятницу, и хватит ли денег на второй вариант рассадки, если первый окажется слишком дорогим.

За дверью переговоров проходит стажёр с кипой распечаток, машет мне рукой через стекло. Антон на секунду поднимает голову на движение, тут же возвращается к экрану.

Обычная пятница, обычное утро, ничего в нём не задерживается дольше положенного, кроме, может быть, того самого взгляда, который я уже забыла, едва он случился, — голова занята совсем другим списком, свадебным, бесконечным, требующим ответа прямо сейчас.

Артём ждёт у входа в ресторан, уткнувшись в телефон, и поднимает голову, только когда я подхожу вплотную и касаюсь его плеча.

— Заказал уже, — говорит он вместо приветствия, целует меня коротко в щёку. — Тебе как обычно, боул с лососем и авокадо.

Мы садимся у окна, официант приносит воду со льдом и лимоном. Артём рассказывает про новый проект на работе, про начальника, который срывает все сроки согласований, а потом сам же устраивает разнос за задержку. Я киваю, ем салат, слушаю вполуха — эту историю я уже слышала на прошлой неделе, только с другими именами и другой цифрой в конце. За соседним столиком отмечают чей-то день рождения, официанты выносят торт со свечами, зал на секунду взрывается пением, и Артём машинально подпевает чужому празднику, забыв, о чём говорил.

— Ты меня вообще слушаешь? — спрашивает он, когда пение стихает, но без раздражения, скорее по привычке.

— Слушаю, слушаю. Начальник опять всех подставил. Он смеётся, довольный, что я всё-таки уловила суть, и продолжает рассказывать дальше, размахивая вилкой.

— Кстати, — говорит он, отламывая кусок хлеба и макая его в оливковое масло, — я позвонил Диме насчёт фотосессии. Он согласен, берёт по-дружески, без наценки, говорит, свадьба друга — это святое.

— Мы же ещё толком не решили, звать ли фотографа со стороны или брать студию.

— А зачем нам сторонний, если у нас свой есть? Дима классные кадры делает, ты сама лайкаешь его инстаграм постоянно. И цену даст свою, не агентскую, представляешь, сколько мы сэкономим?

Я хочу сказать, что дело не только в цене, что на собственной свадьбе я бы предпочла человека со стороны, с которым потом не придётся видаться на каждой рабочей вечеринке и обсуждать отснятый материал за обедом. Хочу сказать, что от Димы у меня давно осталось странное чувство — то он слишком щедро хвалит мои фотографии в общем чате, то присылает личное сообщение с предложением снять меня отдельно, будто это самая обычная просьба на свете. Но Артём уже переключился, спрашивает, заказала ли я торт и определилась ли с начинкой. Отвечаю, что нет, что список дел растёт быстрее, чем я успеваю его сокращать, что вчера добавилось ещё три пункта. Артём смеётся, накрывает мою ладонь своей.

— Ты справишься, ты всегда справляешься. У тебя талант всё разруливать.

Комплимент звучит тепло, но что-то в нём отдаёт лёгкой

ленью — будто он заранее сложил с себя половину забот и теперь просто наблюдает со стороны, как я тащу весь список одна, пункт за пунктом.

— Ты сегодня поможешь мне с цветами? — спрашиваю, когда официант приносит счёт. — Нужно выбрать между пионами и розами, флористка ждёт ответ до завтра утром.

— Конечно, вечером сядем вместе, посмотрим каталог, обсудим.

Дома, часов в восемь, он устраивается на диване с ноутбуком, но вместо каталога открывает игру. Наушники на голове, пальцы бегают по клавиатуре, экран мигает синим и красным, за окном темнеет, где-то внизу хлопает дверь подъезда. Я мою посуду после ужина, вытираю руки полотенцем, прохожу мимо с чашкой чая, останавливаюсь, стою рядом минуту, потом сажусь на подлокотник и молча жду, когда он заметит меня.

— Артём.

— Ммм, — он не отрывается от экрана, — щас, только этот раунд доиграю, командная игра, нельзя бросить на середине.

Раунд заканчивается, начинается следующий. Я смотрю на его лицо — сосредоточенное, азартное, точно такое же, каким становится, когда он рассказывает истории про начальника или спорит с друзьями о футболе. С этим лицом он живёт в своей игре целиком, каждой клеткой, а я сижу рядом, будто в приёмной у врача, жду, когда назовут моё имя.

В наушниках что-то кричит его напарник по команде, Артём отвечает коротко, не разжимая губ, весь в экране.

— Забей, я сама посмотрю, — говорю и встаю с подлокотника.

Он бормочет что-то в ответ, не отрывая глаз от экрана, кажется, «супер, спасибо, ты лучшая».

Забираю свой ноутбук в спальню, сажусь на кровать, поджав ноги, открываю каталог флористики. Пионы пышные, светло-розовые, с растрёпанными лепестками, будто их только что застали врасплох посреди дня. Розы ровные, глянцевые, каждый лепесток на своём месте, ни одной складки лишней. Я листаю страницу туда-обратно, увеличиваю фотографии, читаю описания сортов, смотрю на них дольше, чем нужно для такого простого выбора, и в груди что-то коротко тянет, неприятно и остро, будто задела старый ушиб.

Дело не в цветах. Дело в том, что я снова сижу здесь одна с каталогом, а он снова там, с наушниками и криками команды. Место для банкета я выбирала одна, обзванивала пять залов, торговалась с администраторами, ездила смотреть каждый лично. Меню составляла тоже одна, пробовала дегустацию с мамой, потому что Артём в тот день играл на турнире и обещал наверстать, но так и не наверстал. С приглашениями та же история: присылаю три макета, он тычет пальцем в первый попавшийся, говорит «отлично, ты как всегда права» и возвращается к экрану, а я остаюсь с ощущением, что решала не вдвоём, а снова сама за двоих.

Раздражение поднимается коротко, обжигает где-то под рёбрами и гаснет — я умею его гасить, делаю это месяцами, с тех пор как назначили дату. Проще решить самой, чем спорить, проще выбрать, чем ждать ответа полчаса, проще молчать, чем каждый раз объяснять, почему мне важно решать вдвоём, а не в одиночку с ноутбуком на коленях. Артём хороший человек, просто такой, каким был всегда, ещё до меня, — с этим я и согласилась, когда сказала «да» на предложение в прошлом году, стоя на набережной, под дождём, с кольцом в мокрой коробочке. Тогда мне казалось, что остального можно не бояться, что остальное приложится само.

Нажимаю на пионы, пишу флористке короткое сообщение, ставлю телефон на зарядку рядом с лампой. Из гостиной доносится смех и азартное «есть, победа!». Закрываю каталог, гашу свет в спальне, беру плед со спинки кресла и иду досматривать с ним финал раунда, сажусь рядом на диван, кладу голову ему на плечо. Он на секунду отвлекается, целует меня в макушку, не отрывая глаз от экрана. Вечер только начался, а свадьба не единственное, ради чего мы вместе.

Глава 2. Лёгкий бриз

— Оксана, ты на созвоне? — голос проектного менеджера звучит глухо через ноутбук, будто он говорит из шкафа. — Мы ждём тебя, макет обсуждаем.

Включаю камеру, поправляю кофту на плечах, киваю в объектив. В квадратиках на экране вся команда: разработчики, сонный тестировщик, менеджер уже минут пять пытается расшарить экран и не может, чертыхается вполголоса, забыв, что микрофон включён, кто-то смеётся в чат. Рабочий чат в соседнем окне тихо мигает — кто-то скинул мем, кто-то отвечает смайликом, обычная утренняя возня перед тем, как разговор перейдёт к делу. Я слушаю вполуха, отмечая в блокноте пункты для доработки, параллельно проверяю почту, где среди рабочих писем затесалось напоминание от свадебного агентства про оплату задатка за оформление зала. Голос менеджера тем временем превращается в ровный фон, привычный, как шум вентилятора под столом, — я киваю в нужных местах, не вникая в детали, зная, что протокол потом пришлют отдельным письмом.

Посреди обсуждения макета в чат падает сообщение от Димы — не по делу, просто фото с выходных: он на вершине горы, закат за спиной, майка мокрая от подъёма, улыбка до ушей. Подпись короткая: «Ребят, красота, срочно всем в

горы, а то так и просидим жизнь в опенспейсе». Народ ставит смайлики, кто-то пишет «класс», кто-то присылает значок огня, тестирущик спрашивает название маршрута. Не думая, я тоже ставлю лайк — рефлекс, каждый день кто-то постит, каждый день кто-то отвечает сердечком или пальцем вверх, ничего личного, обычная вежливость офисного чата, пустая и ничего не значащая.

Через минуту телефон вибрирует отдельным звуком, не общим чатом — личным сообщением, и я машинально опускаю взгляд под стол, где меня не видно в камере.

«Кстати, если хочешь, могу и тебе такую фотосессию замутить, персонально. У тебя лицо для камеры создано, грех этим не пользоваться».

Смотрю на экран дольше, чем нужно для простого сообщения. В горле собирается что-то вязкое, неприятное, будто проглотила крошку не той стороной и теперь она царапает по дороге вниз. Дима пишет так часто — с прошлой осени, с той вечеринки на работе, когда он снимал корпоратив и потом неделю присылал мне отдельные кадры, «только для тебя, остальным не показывал», будто делится секретом, а не рабочими файлами. Тогда это казалось милым вниманием фотографа к удачной модели, теперь каждое такое сообщение оставляет короткое послевкусие, будто съела что-то немного просроченное и не сразу поняла почему тянет к горлу.

Отвечаю смайликом — тем самым, с прищуренными от смеха глазами, — и быстро дописываю: «Ага, как-нибудь, ес-

ли время найдётся». Ставлю телефон на беззвучный режим экраном вниз, придвигаю обратно к себе ноутбук, возвращаюсь к макету, где менеджер как раз спрашивает моё мнение про расположение кнопки в шапке. Отвечаю уверенно, будто ничего не произошло, потому что говорить об этом некому: Артём считает Диму лучшим другом ещё со школы, готов слушать про него часами, а жаловаться на человека, приглашённого мной же снимать собственную свадьбу, поздно и странно, да и на что жаловаться, если по сути это просто сообщение с эмодзи.

Пробую вспомнить, когда всё это началось всерьёз, а не просто казалось мне мнительной. Кажется, с той самой корпоративной вечеринки — Дима тогда весь вечер держался рядом, снимал больше меня, чем всех остальных гостей вместе взятых, а под утро написал, что «редко встречает такую естественную перед камерой». Я тогда посмеялась, показала сообщение подруге, обе сошлись, что это просто профессиональный азарт фотографа, нашедшего удачную натуру для съёмки. Сейчас, полгода спустя, азарт этот никуда не делся, только частота сообщений выросла, а поводов для них требуется всё меньше — вчера он написал просто «хорошего дня», без всякой причины, без привязки к фото или работе, и я не ответила вовсе, понадеявшись, что сообщение затеряется само.

После созвона иду на кухню за кофе, потому что голова уже гудит от макетов и цифр, а до обеда ещё два часа. У ко-

фемашины стоит Антон, объясняет что-то стажёру — молодому парню, пришедшему к нам после университета на прошлой неделе. Тот до сих пор смотрит на всех с испуганным восторгом, будто попал не в офис, а на съёмки фильма про успешных людей.

— Смотри, нейросеть не понимает смысла картинки, — говорит Антон, рисуя пальцем в воздухе прямоугольники, будто размечает слои прямо на невидимом экране. — Она видит паттерны, пиксели, вероятности. Для неё лицо — это просто набор координат с определённой повторяющейся закономерностью, и если координаты подменить, для машины ничего не изменится, она не заподозрит подвоха.

Стажёр кивает, торопливо строчит в блокноте, явно не поспевает за мыслью, переспрашивает про какой-то термин. Я подхожу ближе, беру чашку с полки, включая кофемашину, жду, пока нальётся эспрессо, слушаю вполуха, как слушала и созвон десять минут назад. Антон продолжает говорить, но голос на долю секунды спотыкается, будто он потерял слово посреди фразы, взгляд на мгновение соскальзывает в мою сторону и тут же возвращается к стажёру — я замечаю это краем уха, поднимая голову от чашки, но не успеваю поймать момент целиком.

— ...закономерностью, складывающейся из тренировочных данных, — заканчивает он, уже ровно, без сбоя, и коротко смотрит в мою сторону, коротко кивает, как кивают знакомому в коридоре. — Доброе утро.

— Доброе, — отвечаю, забирая чашку. — Извини, помешала лекции.

— Не лекция, объясняю азы, — говорит он, снова разворачиваясь к стажёру, будто эти секунды заминки просто мне почудились, будто их и не было вовсе. — Так вот, если подменить входные данные, результат на выходе останется правдоподобным, но лживым насквозь, и распознать это можно только зная, что искать.

— А человеческий глаз такое различит? — спрашивает стажёр, кивая на его слова, явно желая продлить разговор. — Или только машина?

— Иногда различит, если знать, куда смотреть, — отвечает Антон, коротко взглянув в мою сторону, будто вопрос отчасти адресован и мне. — Тени, отражения в глазах, движение по краям кадра. Подделка почти всегда выдаёт себя мелочью, упущенной из виду самим автором подмены.

Я не дослушиваю, ухожу с чашкой обратно за стол, но по дороге почему-то улыбаюсь себе под нос, сама не понимая чему. Может, тому, как серьёзно он объясняет простому стажёру вещи, для него самого давно ставшие азбукой. Может, тому короткому сбою в голосе — не придаю ему значения, списываю на усталость или на сложность темы для новичка. У Антона всё по делу, всегда по делу, и я давно перестала искать в его словах что-то за пределами сказанного — а если и ищу иногда, то сама себе в этом не признаюсь.

Вечером Артём приезжает за мной прямо в офис — у ме-

ня сегодня примерка платья, а от офиса до салона ближе, чем от его собственной работы через весь город. Он ждёт внизу, в холле, листает телефон, поднимает голову, когда я выхожу из лифта с сумкой через плечо и пропуском, болтающимся на шнурке.

— Готова? — спрашивает, целуя меня в висок. — Заказал такси, уже подъезжает, водитель пишет, что через три минуты.

Дима выныривает из отдела маркетинга с камерой на шее — снимал сегодня продуктовую презентацию для соцсетей, ещё не успел убрать оборудование в кофр, провода тянутся из рюкзака хвостом.

— О, Артёмчик, привет! — говорит он, хлопая друга по плечу так, что тот делает шаг вперёд, потом переводит взгляд на меня, задерживается на секунду дольше, чем требует простое приветствие. — Погодите секунду, тут свет классный, вечернее солнце через витраж, грех не поймать такой кадр, у меня руки чешутся.

Он поднимает камеру, делает шаг назад, будто выстраивает кадр для нас двоих — жениха и невесты в холле офиса, красивая история для инстаграма компании, повод для лишнего лайка. Артём приобнимает меня за плечи, улыбается привычно, готовый позировать без единой мысли, ему нравится быть в кадре, нравится внимание. Но объектив, я вижу это через видоискатель, ещё не опущенный обратно к его глазу, смотрит не на нас двоих, а на меня одну — узко,

вплотную, будто Артёма рядом просто нет в кадре, будто он лишний в собственной свадебной истории.

Затвор щёлкает один раз, потом ещё, и ещё, слишком часто для одного простого снимка на фоне витража. Дима опускает камеру, довольно улыбается, будто поймал именно то, что искал с самого начала.

— Идеально, — говорит он, глядя на экранчик камеры, поворачивая его к себе, и почему-то не показывает снимок ни мне, ни Артёму, хотя обычно любит хвастаться удачным кадром сразу. — Скину вечером, когда обработаю, хочу цвет подтянуть.

— Слушай, а покажи хоть один кадр, интересно же, — прошу я, протягивая руку к экранчику камеры, но Дима отводит её движением плеча, будто случайно, будто не заметил жеста.

— Испортишь эффект неожиданности, — говорит он, убирая камеру за спину коротким движением. — Сюрприз для будущих молодожёнов, потерпи до вечера.

Артём тянет меня к выходу, торопит, такси уже сигналист снаружи двумя короткими гудками, обещанные три минуты давно прошли. Я делаю шаг к двери, оборачиваюсь на секунду — просто так, без причины, скорее по привычке проверить, закрылась ли дверь за спиной, — и вижу, что Дима так и стоит в холле, не убирая камеру от груди, смотрит нам вслед через стекло входной двери. В этом взгляде нет ничего похожего на радость за друга, и впервые за полгода мне ста-

новится по-настоящему не по себе, только я ещё не понимаю почему.

Глава 3. Натянутая струна

— Дима всё сделает дёшево, он же свой, — говорит Артём, заглядывая мне через плечо в экран ноутбука. — Зачем платить агентству втридорога?

Я листаю очередной свадебный калькулятор, где циферки в графе «декор» и «флористика» упрямо ползут вверх, стоит только добавить пункт про арку для церемонии. Строчка за строчкой, статья за статьёй, а сумма внизу выглядит пугающе, будто издевается лично надо мной. Уже полночи сижу с этими таблицами, переключаюсь между вкладками, сравниваю цены студий и частных, а результат каждый раз одинаково удручающий — на всё не хватает, придётся выбирать, от чего отказаться. За окном давно стемнело, соседи внизу выключили телевизор, а я всё листаю страницы с образцами арок и гирлянд, будто где-то среди них спрятана волшебная скидка.

— Он же не декоратор, — отвечаю, потирая переносицу.
— Он снимает.

— Ну так пусть найдёт кого-нибудь через свои связи, у него полдеревни фотографов знакомых, — Артём садится рядом, кладёт руку мне на колено. — Он реально хочет помочь, зачем усложнять.

— А если что-то пойдёт не так в день свадьбы, кто отве-

чать будет? Приятель твоего друга, а я даже не знакома с ним лично? — спрашиваю, откладывая ноутбук на диван.

— Да ладно тебе, всё будет нормально, у Димы половина города завязана на знакомствах, он плохого не посоветует, — Артём обнимает меня за плечи, целует в висок, будто этот жест сам по себе снимает все вопросы. — Доверься мне хоть раз.

— Дело не в доверии, — говорю тише, — дело в том, что решения принимаются без меня, а расхлёбывать потом мне же.

Артём смотрит удивлённо, будто впервые слышит подобную претензию, пожимает плечами, не находя, что ответить по существу, и просто повторяет своё «всё будет нормально» ещё раз, тоном человека, уставшего от лишних разговоров.

Внутри поднимается сомнение, тихое, без конкретной причины, просто неприятный осадок от мысли, что снова придётся зависеть от чужой доброй воли вместо расчёта. Смотрю на Артёма — он уже уверен, что вопрос закрыт, уже мысленно вычеркнул строчку из бюджета, довольный собой. Мне же хочется настоять на своём, найти проверенного человека через отзывы, а не через дружбу, но объяснять это придётся долго, а сил на спор нет совсем. Список дел растёт с каждым днём, поэтому киваю, закрываю калькулятор и пишу Диме короткое сообщение с просьбой подсказать декоратора. Ответ прилетает мгновенно — с эмодзи-сердечками и обещанием «всё разрулить в лучшем виде», будто он весь

вечер ждал именно этого сообщения от меня.

На следующий день застреваю у общего принтера — макет для клиента нужно распечатать в трёх экземплярах, а машина зажёвывает бумагу через каждый второй лист. Стою, дёргаю лоток, вытаскиваю смятую страницу, запускаю печатать заново, раздражаюсь на технику, на офисный менеджмент, на весь этот бесконечный список свадебных дел без конца и края. Голова гудит от вчерашнего разговора с Артёмом, от цифр в калькуляторе, от ощущения, что решения принимаются за меня, а не вместе со мной. Кондиционер над головой дует прямо в спину, лёгкий сарафан вздувается пузырьём, ткань взлетает выше колена. Дёргаю рукой вниз, придерживаю подол, чувствую, как щёки заливает жаром чистого смущения — вокруг открытый опенспейс, десятки коллег за спиной, любой мог заметить.

Голоса за спиной стихают на секунду. Оборачиваюсь — Антон идёт мимо с папкой документов, но резко отводит взгляд в сторону, будто наткнулся на что-то не для его глаз, шагает дальше, не сбавляя темпа. Сердце ухает вниз от одной мысли, что именно он оказался свидетелем неловкого момента, а не кто-то из шумных продавцов, готовых превратить это в повод для дежурной шутки. Через пару шагов он останавливается, разворачивается ко мне, смотрит строго в лицо, будто нарочно фиксирует взгляд повыше, оставляя мне пространство прийти в себя.

— У тебя воротник, — говорит он тихо, кивая на плечо.

— Задрался с одной стороны, поправь.

Опускаю взгляд — действительно, лямка сарафана сползла, обнажив плечо целиком. Быстро возвращаю её на место, пальцы дрожат от растерянности, а Антон уже отворачивается, делая вид, что рассматривает индикатор принтера, давая мне время привести себя в порядок без лишних свидетелей вокруг. Ни смешка, ни двусмысленного взгляда, ни малейшего намёка на то, что произошло что-то заслуживающее внимания.

— Спасибо, — бормочу, чувствуя, как жар со щёк переползает на шею. — Неудобно вышло.

— Кондиционер тут вечно барахлит, — отвечает он, не глядя на меня, забирая свою распечатку из лотка. — Инженеры третий месяц обещают починить, а воз и ныне там.

Голос ровный, будничный, ни капли неловкости, будто он каждый день спасает коллег от нелепых ситуаций и давно к этому привык. Внутри разливается облегчение — не от слов даже, а от того, как он говорит, снимая напряжение с воздуха одной интонацией, будто ничего особенного не случилось, будто это просто рабочий момент, не заслуживающий смущённых взглядов украдкой. Принтер наконец выплёвывает мои страницы, я собираю их в стопку, благодарю ещё раз, ухожу за свой стол, а внутри остаётся странное тепло — не от смущения уже, а от того, что кто-то рядом умеет быть деликатным без лишних слов и жестов напоказ, без желания подчеркнуть собственное благородство. Сажусь на своё ме-

сто, раскладываю распечатки по стопкам, а мысли всё возвращаются к короткой фразе про воротник — как просто и спокойно он это сказал, без единого намёка на то, что вообще что-то заметил.

Дима наблюдает эту сцену с другого конца опенспейса, из-за перегородки маркетингового отдела, куда обычно не заглядываю. В руке у него телефон, камера включена, объектив направлен через весь зал прямо на принтерную зону. Пальцы на экране раздвигаются, приближая картинку — фигуру Антона, мою спину, короткое движение руки к лямке платья. Он не торопится убрать телефон, стоит неподвижно, будто позабыл про рабочие дела, про недоделанную презентацию, про всё вокруг, кроме этих нескольких секунд на экране. Мимо проходит коллега из отдела продаж, спрашивает про какой-то отчёт, но Дима отвечает односложно, не отрывая взгляда от экрана, весь поглощён тем, что видит.

Кадр получается неудачный с технической стороны, дрожащий из-за зума, но Дима не опускает телефон, пересматривает отснятое ещё раз, потом ещё, будто выискивает что-то важное в самой обычной бытовой мелочи. Он привык считать себя главным свидетелем нашей истории — снимает каждую вечеринку, каждый совместный ужин, архивирует чужую жизнь методичнее любого биографа. Но это видео другое, не для рабочего чата, не для инстаграма компании, и он это понимает сразу, инстинктом человека, годами наблюдавшего за нами через объектив. Скулы напрягаются, жел-

вак проступает на щеке, дыхание становится короче обычного, хотя вокруг ничего не изменилось — офис живёт своим шумным ритмом, никто не замечает, чем именно он занят у своей перегородки. Он смотрит на застывший кадр — руку Антона рядом с моим плечом, — и что-то в его взгляде меняется, становится острее, темнее обычного дневного добродушия, будто маска на секунду сползла, обнажив совсем другое лицо.

Сохраняет видео в отдельную папку на телефоне, называет её просто цифрами — датой сегодняшнего дня. Убирает телефон в карман, поправляет воротник рубашки, идёт обратно к своему столу с лицом человека, только что принявшего решение, но пока не готового его озвучить.

По дороге останавливается у моего стола, наклоняется, будто просто здоровается.

— Как настроение перед свадьбой? — спрашивает, облокотившись на угол стола. — Готова уже стать чужой женой?

— Готова, — отвечаю, поднимая голову от макета, не понимая пока странной интонации в его вопросе. За окном офиса медленно опускаются сумерки, экраны мониторов горят ярче обычного, а разговор почему-то кажется важнее простой формальности.

— А декоратора моего нашла время посмотреть? Скинул тебе портфолио вчера, — говорит он, но взгляд задерживается не на экране моего ноутбука, а на плече, на той самой недавно поправленной лямке. — Кстати, отлично вы-

глядишь сегодня, тебе идёт этот цвет.

— Спасибо, посмотрю обязательно, — говорю, машинально одёргивая ворот кофты повыше, сама не понимая зачем, будто тело среагировало раньше разума.

Дима улыбается, кивает, отходит к себе, насвистывая что-то под нос, будто разговор его полностью удовлетворил. Я смотрю ему вслед, и ловлю себя на мысли, что не хочу, чтобы он снова стоял так близко, задерживал взгляд так долго. Раньше подобные моменты списывала на его общительность, на привычку фотографа подмечать детали в людях, теперь же в груди что-то сжимается коротко и неприятно, будто предчувствие без разумного объяснения.

Возвращаюсь к макету на экране, пытаюсь сосредоточиться на цветовой схеме кнопок, но пальцы зависают над клавиатурой, а мысли крутятся вокруг одного и того же — почему обычная фраза про портфолио декоратора прозвучала так, будто за ней спрятано что-то совсем иное.

Глава 4. Предложение подписчика

— Мама, ну зачем утка с грушей, это же ресторанные эксперименты какие-то, а не обычная свадьба, — Артём отодвигает тарелку, даже не попробовав, морщится демонстративно. — Гостям нужна нормальная еда, мясо, гарнир, без всяких изысков.

Родительская кухня пахнет корицей и жареным луком, на плите ещё что-то булькает, приготовленное с расчётом угодить будущему зятю. Мама готовилась весь день, я помогала резать овощи с самого обеда, слушала её рассказы про новый рецепт, найденный в кулинарном журнале, видела, с каким удовольствием она раскладывала утку по формочкам для запекания.

Мама застывает с половником над кастрюлей, лицо становится каменным на секунду, потом она натягивает улыбку, привычную, дежурную, — такой пользуется при клиентах на работе.

— Я просто предложила вариант, Артём, — говорит она ровно. — Можем обсудить, поменять, я не настаиваю.

— Да я не в претензии, просто говорю как есть, — он берёт вилку, всё-таки пробует кусочек, продолжает жевать с недовольным видом. — Половина гостей вообще не поймёт, что это за соус.

Отец за столом молчит, режет хлеб аккуратными ломтями, но по тому, как крепко сжимает нож, понятно, что реплика Артёма ему не по душе. Он вообще редко высказывается прямо, предпочитает наблюдать, делать выводы молча, а недовольство выражает жестами — резким движением плеча, слишком плотно сжатыми губами. Я поспешно вклиниваюсь, стараясь развернуть разговор в безопасную сторону, привычно беру на себя роль переговорщика между этими двумя мужчинами, никогда толком не находившими общий язык.

— А если сделать два варианта горячего? Классику для консервативных гостей и что-то поинтереснее для остальных, — предлагаю, толкая Артёма коленом под столом, намекая, чтобы притормозил.

— Ну можно, — он пожимает плечами, теряя интерес к теме так же быстро, как проявил её, тянется за телефоном, проверяет уведомления, полностью выпадая из разговора, будто вопрос уже решён и обсуждать больше нечего.

Мама молча убирает утку обратно в духовку, разогревать не для гостей уже, а просто чтобы не выбрасывать зря потраченный вечер готовки. Двигается медленнее обычного, каждое движение выдаёт обиду, никогда не озвученную вслух — не в её характере устраивать сцены, проще проглотить и сделать вид, что всё в порядке. Я вижу, как у неё подрагивают пальцы, собирая посуду, и внутри поднимается злость на Артёма — не громкая, тихая, привычная уже злость, справ-

ляться с ней давно научилась молчанием, а не спором при родителях.

Телефон Артёма вибрирует прямо на столе, экран высвечивает имя Димы. Артём отвечает сразу, ставит на громкую связь, не спрашивая никого, будто это его личное право включать посторонних в семейный ужин, даже не глянув в мою сторону за одобрением.

— Артёмчик, привет, слушай, надо обсудить сюрприз для Оксанки на свадьбе, — голос Димы разносится по всей кухне, бодрый, деловой. — У меня идея с дроном, вид сверху сниму, красота будет, все потом будут завидовать.

— О, класс, давай, — оживляется Артём, отодвигаясь от стола вместе со стулом. — Только чтобы она заранее не узнала, а то весь эффект пропадёт.

— Само собой, это же сюрприз, — Дима смеётся коротко, потом добавляет с явной шутливой интонацией: — Главное, чтобы Оксана на корпоративе не перепутала жениха с коллегой, а то дрон снимет не то, что надо.

Артём хохочет громко, хлопает себя по колену, явно находя шутку удачной, повторяет её ещё раз, будто хочет продлить веселье. Закатываю глаза, качаю головой, не улавливая, к чему вообще эта фраза, списываю на обычное дурачество мужской компании, где смысл шуток не всегда очевиден постороннему уху. Отец бросает на меня короткий взгляд, будто хочет что-то спросить, но передумывает, возвращается к хлебу, а мама выходит из кухни с пустой тарелкой в ру-

ках, не проронив ни слова.

— Ладно, обсудим детали отдельно, тут семейный ужин, — говорит Артём, забирая телефон со стола, отходя к окну продолжать разговор уже не на громкой связи.

Мама разливает чай, старается делать вид, что ничего не произошло, но движения у неё резче обычного, чашки звякают о блюдца излишне звонко для тихого семейного вечера. Отец накрывает её ладонь своей, коротко, без слов, и она чуть расслабляется, благодарно кивает, а я отвожу взгляд, чувствуя себя третьей лишней при этом молчаливом разговоре двух людей, проживших вместе не один десяток лет.

Артём возвращается минут через десять, довольный, рассказывает про какие-то технические детали дрона, про разрешение камеры, про то, как круто будет смотреться видео с высоты. Никто особо не поддерживает разговор, кроме него самого, а я думаю про утку в духовке, про мамино лицо секунду назад, про то, как легко он умеет не замечать, что задел кого-то рядом. За окном темнеет, мама включает свет над столом, разговор постепенно съезжает на нейтральные темы — работа, погода, планы на выходные, — будто все молча согласились обойти острые углы стороной ради спокойного вечера.

— Кстати, а торт уже заказали? — спрашивает мама, разливая чай по кружкам, стараясь звучать буднично.

— Заказали, классический, три яруса, — отвечаю. — С Артёмом выбирали вместе, тут разногласий не было.

— Хотя в чём-то, — тихо произносит отец, не отрываясь от газеты, и я делаю вид, что не слышу колкости.

Прощаемся уже поздно вечером, Артём уходит вперёд, договориться с таксистом, а я задерживаюсь в прихожей, помогая маме собрать контейнеры с оставшейся едой. Она заворачивает утку в фольгу молча, движения выверенные, привычные, а я стою рядом, не зная, извиняться ли за Артёма или просто промолчать, как обычно делаю в таких случаях.

— Мам, прости за сегодня, — говорю тихо, беря контейнер из её рук. — Он не хотел тебя обидеть, честно.

— Да ладно, — она машет рукой, но взгляд остаётся уставшим. — Я привыкла уже. Главное, чтобы тебе с ним было хорошо, остальное неважно совсем.

Фраза повисает в воздухе, слишком простая для такого сложного вопроса, и я не нахожу, что ответить сразу, просто обнимаю маму на прощание, чувствую запах её духов, знакомый с детства, и на секунду хочется остаться здесь, в этой кухне, ещё немного, вопреки позднему часу.

— Пап, ты что-то хотел спросить за столом, — говорю тихо, застёгивая куртку. — Про звонок?

Отец выходит из кухни, вытирая руки полотенцем, смотрит на меня долго, серьёзно, будто взвешивает, стоит ли вообще заводить этот разговор.

— Дочка, а тебе не кажется, что этот Дима слишком уж активно лезет в вашу свадьбу? — спрашивает он напрямую,

без обычных предисловий. — Сюрпризы какие-то, звонки посреди семейного ужина, будто своей жизни у парня нет вовсе.

— Он же лучший друг Артёма, пап, помогает как может, — отвечаю, пожимая плечами, стараясь звучать легко, хотя внутри уже что-то напрягается от вопроса, от отцовской способности метко подмечать то, что сама предпочитаю не замечать.

— А Артём твой какой-то... ненадёжный, — отец качает головой, подбирая слово медленно, будто пробует его на вкус перед тем, как произнести. — Смотрит только со своей колокольни, маму твою за столом не пожалел ни разу, а она весь день у плиты простояла.

Внутри всё сжимается от несправедливости, хочется тут же встать на защиту, объяснить, что Артём просто устал, просто прямолинейный, что не со зла, что за этой резкостью прячется обычная мужская неуклюжесть, а не равнодушие.

— Он хороший, пап, просто иногда резковат, — говорю, слыша в собственном голосе явную неуверенность. — Ты его плохо знаешь.

— Может, и плохо, — соглашается отец, не спорит дальше, только смотрит с прищуром, будто оставляет за собой право вернуться к разговору позже, в более удобный момент.

Провожает меня до двери, целует в макушку на прощание, а я спускаюсь по лестнице с неприятным осадком где-то под рёбрами, будто отцовские слова упали на уже подготов-

ленную почву внутри меня самой, где сомнение давно тихо прорастало, просто ждало повода показаться наружу.

Артём ждёт у подъезда, машет рукой, зовёт в подъехавшее такси, весёлый, довольный вечером, будто не заметил ни мамино молчания, ни отцовского прищур за столом. Сажусь рядом, пристёгиваю ремень, смотрю в окно на удаляющийся дом родителей, а в голове крутится фраза «какой-то ненадёжный» — простая, короткая, но почему-то отказывающаяся забываться, оседающая где-то на самом дне, куда обычно складываю всё неудобное и несвоевременное.

Глава 5. Корпоратив

— Ты сегодня просто огонь, — говорит коллега из дизайн-отдела, разглядывая моё платье с открытой спиной. — Артём аж дар речи потеряет.

Вечеринка в честь релиза проходит в лофте с высокими потолками и гирляндами лампочек под балками. Компания сняла всё пространство целиком — бар, танцпол, диджей на подиуме, официанты с подносами закусок лавируют между гостями. Я выбрала платье месяц назад, тёмно-синее, с глубоким вырезом на спине и тонкими лямками, крепящимися на застёжку у лопаток. Долго сомневалась перед покупкой, крутилась перед зеркалом в примерочной, спрашивала совета у продавщицы, а сейчас, среди коллег и громкой музыки, чувствую неожиданную уверенность в себе. Артём опаздывает, застрял на встрече, обещал подъехать к десяти, а пока я брожу по залу одна, здороваюсь с коллегами, принимаю комплименты, чувствую себя немного не в своей тарелке от количества внимания.

Антон весь вечер держится в стороне от основной толпы, у бара или у окна, разговаривает с редкими коллегами короткими фразами, не танцует, не пытается затесаться в общий круг веселья. Костюм на нём строгий, тёмный, единственная деталь, выбивающаяся из офисного образа, — расстёгну-

тая верхняя пуговица рубашки, будто вечеринка требует хотя бы такой символической вольности. Но каждый раз, стоит мне поставить пустой бокал на стол, рядом каким-то образом оказывается полный стакан воды — без всплеска, без объяснения, просто появляется на нужном месте, будто по волшебству. В третий раз замечаю закономерность, оборачиваюсь, ловлю его взгляд издали — он тут же отворачивается к бармену, делая вид, что просто заказывал себе что-то своё.

— Спасибо за воду, — говорю позже, подходя к бару, где он стоит с бокалом апельсинового сока. — Три раза уже.

— Здесь легко перебраться с шампанским под музыку, — отвечает он, пожимая плечами, будто объясняет очевидную вещь. — Вода никому не мешает.

— А сам-то ты почему не танцуешь? — спрашиваю, облокачиваясь на барную стойку рядом. — Весь вечер стоишь у стены, наблюдаешь.

— Не умею особо, — отвечает он коротко, без тени смущения в голосе. — Предпочитаю наблюдать за тем, как веселятся другие.

Простое объяснение, вполне логичное, но что-то в его голосе выдаёт заботу сверх обычной коллегиальной вежливости. Не успеваю ничего ответить — подходит менеджер проекта, тащит Антона обсуждать какой-то технический вопрос, а я остаюсь у бара одна, глядя ему вслед и пытаюсь понять, почему простой стакан воды греет сильнее любого комплимента про платье. Заказываю себе ещё сок, а не шампанское,

сама не замечая, как перенимаю его привычку без единого слова уговоров.

Танцпол заполняется ближе к полуночи, музыка становится громче, свет мигает разноцветными вспышками. Сажусь за высокий столик рядом с танцующими коллегами, отдыхаю от каблуков, слушаю, как бухгалтерия обсуждает чей-то отпуск в Турции, киваю невпопад, думаю про Артёма — до сих пор не написал даже сообщение с извинениями за опоздание. Роняю салфетку под стол и наклоняюсь за ней, вытягивая руку в темноту под столешницей. Пальцы нащупывают ткань, я выпрямляюсь резко, и в этот момент чувствую, как одна лямка платья соскальзывает с плеча, застёжка расстегнулась от неловкого движения.

Ткань на груди предательски съезжает, я хватаюсь за неё рукой, краснею мгновенно, оглядываюсь на танцующих — вроде никто не заметил, все увлечены музыкой. Сердце колотится не только от неловкости самой ситуации, но и от страха, что кто-то из коллег успеет достать телефон, сфотографировать, выложить в общий чат ради шутки. Но Антон стоит буквально в паре шагов, разговаривает с кем-то из отдела продаж, и его взгляд скользит в мою сторону как раз в момент паники.

Он подходит без промедления, встаёт рядом со спины, загораживая меня от танцпола собственной фигурой. Движение выглядит естественным для стороннего наблюдателя, будто он просто решил присоединиться к разговору за на-

шим столиком, а не бросился спасать коллегу от конфуза.

— Там замок, застегни, — говорит он тихо, сухо, без единой лишней эмоции в голосе, чуть придерживая лямку пальцами, пока я нащупываю крючок застёжки трясущимися руками.

— Спасибо, — шепчу, наконец справляясь с застёжкой, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле от смеси стыда и странной благодарности.

— Не за что, — отвечает он коротко и тут же отходит на пару шагов, возвращаясь к разговору с коллегой из продаж, будто ничего не произошло, будто он просто поправил кому-то воротник рубашки на рабочей летучке. Смотрю ему вслед, замечаю, как он не оборачивается больше в мою сторону, не ловит взгляд, не ищет подтверждения, что всё в порядке, — будто эпизод для него уже закрыт и забыт.

Видеограф, нанятый Димой для официального пост-ролла компании, снимает общий план танцпола с дальнего угла, камера на штативе медленно панорамирует зал, захватывая огни, силуэты танцующих, столики у бара. Работает методично, без спешки, поворачивает объектив плавными дугами, стараясь захватить как можно больше материала для будущего монтажа. В объектив на секунду попадает и наш угол — Антон рядом со мной, короткое движение его руки к моему плечу, лямка платья, поднимаемая обратно на место. Оператор даже не замечает этот момент среди сотни других, продолжает вести камеру дальше по залу, снимая диджея,

барную стойку, компанию танцующих подруг из бухгалтерии.

Дима замечает движение камеры краем глаза, подходит к оператору чуть позже, когда основная суэта вечеринки начинает стихать, гости расходятся по домам, официанты убирают пустые бокалы со столов. Весь вечер он мелькал по залу с телефоном, снимал сторис для рабочих соцсетей, шутил с коллегами, изображал главного массовика-затейника мероприятия, но сейчас лицо у него сосредоточенное, деловое, без привычной наигранной весёлости.

— Слушай, скинь мне потом все сырые файлы на флешку, ладно? — просит он, доставая из кармана маленький накопитель. — Для официального пост-ролла хочу сам смонтировать, у меня уже есть идея по музыке и переходам.

— Без проблем, — оператор пожимает плечами, втыкает флешку в ноутбук, начинает копировать материал прямо на месте. — Часа два, наверное, там сырья много, четыре камеры весь вечер писали.

— Отлично, я подожду, — говорит Дима, присаживаясь на барный стул рядом, заказывает себе последний коктейль, хотя вечеринка почти закончилась и большинство гостей уже разъехались. Бармен вытирает стойку сонными кругами, официанты составляют стулья друг на друга, готовя зал к завтрашней уборке.

Дима наблюдает за прогресс-баром копирования, лицо спокойное, почти скучающее, но пальцы постукивают по

стойке нервным ритмом, выдающим напряжение внутри. Периодически поглядывает в сторону гардероба, где я как раз прощаюсь с коллегами, накидываю пальто, поправляю сумку на плече, не подозревая, что за мной сейчас наблюдают с определённым интересом. Когда копирование заканчивается, он благодарит оператора, убирает флешку в карман джинсов, застёгивает молнию, будто прячет что-то ценное от посторонних глаз. Проверяет содержимое ещё раз на телефоне, пролистывает несколько кадров быстрым движением пальца, задерживается на одном чуть дольше остальных, потом убирает телефон тоже, встаёт, расправляет плечи.

Я в этот момент уже надеваю пальто у гардероба, жду Артёма с такси — он наконец написал, что подъезжает, извинился коротко, без особых объяснений задержки. Дима подходит попрощаться, обнимает меня чуть крепче обычного, задерживает объятие на пару секунд сверх привычного для простого дружеского жеста, так что я даже слегка напрягаюсь, прежде чем отстраниться.

— Классная вечеринка получилась, — говорю, отстраняясь первой. — Спасибо, что организовал видеографа, кадры наверняка получатся отличные, компания давно хотела нормальный ролик для соцсетей.

— Обязательно получатся, — отвечает он со странной полуулыбкой, списанной мной на усталость после долгого вечера. — Такое дело я никогда не заваливаю.

Такси подъезжает, Артём выскакивает открыть дверь, це-

лует меня торопливо, извиняется за опоздание в третий раз. Сажусь в машину, оборачиваюсь напоследок — Дима так и стоит у входа в лофт, провожает нас взглядом, рука в кармане джинсов сжимает что-то маленькое, твёрдое, спрятанное от посторонних глаз вместе с планом, пока никому в этом зале не известным.

Глава 6. Грязная работа

Квартира встречает Диму тишиной и запахом вчерашнего кофе, забытого на столе рядом с камерой. Он сбрасывает кроссовки у двери, включает свет только над рабочим столом, остальную комнату оставляет в полумраке — привычка со студенческих времён, помогающая сосредоточиться на экране, не отвлекаясь на посторонние детали интерьера. На стенах развешаны собственные фотопринты в тонких рамках — пейзажи, портреты случайных прохожих, одна большая карточка с корпоратива компании, где Оксана смеётся, запрокинув голову.

Ноутбук просыпается от прикосновения к тачпаду, монтажная программа открывается на вчерашнем проекте — сырые файлы с корпоратива, разложенные по папкам согласно времени съёмки. Дима находит нужный клип быстро, память подсказывает точное место на таймлайне: угол зала у высокого столика, спина Оксаны в тёмно-синем платье, Антон рядом, короткое движение руки к её плечу.

Вырезает фрагмент, отделяет от общего плана, растягивает на монтажной дорожке. Три секунды в оригинале превращаются в семь после хитрой манипуляции с частотой кадров — движение замедляется незаметно для глаза, зато создаёт иллюзию, будто рука на плече задерживается значительно

но дольше положенного простого жеста. Дима щёлкает мета-данные файла, меняет таймкод съёмки на пару минут позже официального времени начала музыкального сета, чтобы при случае эпизод выглядел отдельным моментом, а не частью общей панорамы зала. Проверяет результат несколько раз подряд, пересматривает замедленный фрагмент, кивает удовлетворённо, будто оценивает собственную ювелирную работу мастера.

Работает молча, губы сжаты в тонкую линию, взгляд не отрывается от экрана. Внутри давно поселилось чувство со сложным для точного названия смыслом — не ревность в чистом виде, скорее ощущение украденного, будто вещь, по праву принадлежащая ему, оказалась в чужих руках по нелепой случайности жизни. Началось это задолго до сегодняшнего вечера — с первой совместной съёмки год назад, с той лёгкости, с какой Оксана позировала перед камерой, доверяя объективу сильнее обычных людей вокруг. Каждый раз, пересматривая эпизод с застёжкой платья, ловит себя на желании увидеть в сцене недосказанное, додумать происходящее за пределами кадра.

Сохраняет обработанный фрагмент отдельным файлом, откидывается на спинку кресла, потягивается, разминая затёкшую шею. За окном город гудит вечерним движением, но здесь, за плотными шторами, время течёт по собственным законам, подчинённым только скорости рендера и терпению.

Второй файл достаёт из старого архива, папка с названи-

ем «Днюха 2019», давно не открывавшаяся, покрытая цифровой пылью. Видео снято на прошлой квартире, у друзей, тесная компания, торт со свечами, гитара в углу. На тридцать седьмой секунде Антон, тогда ещё без бороды, моложе и расслабленнее нынешнего офисного образа, целует девушку у окна — Лену, бывшую, давно не упоминаемую вслух в компании.

Дима хранит этот файл не случайно — записал тогда специально, чувствуя интуитивно, что материал ещё пригодится, хотя сам себе в этом никогда не признавался прямо. Теперь момент настал, архив оправдал многолетнее ожидание. В голове мелькает короткое воспоминание о той вечеринке — как Антон весь вечер держался особняком, а под конец не удержался, поддавшись атмосфере и алкоголю, и Дима тогда единственный среди гостей не выпустил телефон из рук.

Дима смотрит фрагмент трижды подряд, изучает движение губ, наклон головы, освещение сцены сбоку от торшера. Открывает специальное приложение для синтеза лиц, загружает оба клипа — обучающий материал с лицом Оксаны из десятков фотографий с корпоративов и личных страниц, целевое видео с поцелуем. Настраивает параметры синхронизации, запускает обработку.

Прогресс-бар ползёт медленно, проценты меняются с мучительной неторопливостью. Дима встаёт, разогревает вчерашнюю пасту в микроволновке, ест стоя у окна, поглядывая на экран через комнату. Внизу проезжают редкие машины,

свет фар скользит по потолку короткими полосами, обычная картина спального района поздним вечером. Мысли крутятся вокруг предстоящей свадьбы, вокруг образа себя самого на этой свадьбе — не гостя, не случайного знакомого, а человека, разрушившего чужой праздник ради восстановления справедливости, какой она видится изнутри его собственной головы.

Вспоминает разговор с Артёмом на прошлой неделе — тот жаловался мельком, что Оксана в последнее время какая-то отстранённая, слишком занята работой, слишком мало внимания уделяет подготовке к свадьбе. Дима тогда промолчал, покивал сочувственно, а внутри уже прикидывал, как обратить эту трещину себе на пользу, как аккуратно расширить её до подходящего размера.

Два часа спустя рендер завершается коротким системным звуком. Дима садится обратно, придвигает кресло вплотную к столу, запускает готовый файл на полный экран. Картинка получилась достаточно убедительной для беглого просмотра на маленьком экране телефона — тени легли правильно, движение губ синхронизировано почти идеально, только при внимательном разглядывании заметна лёгкая дрожь контура вокруг подбородка. Для случайного зрителя, торопливо листającego мессенджер вечером после работы, недостаток останется незамеченным.

Пересматривает результат ещё раз, уже медленнее, ловит себя на странном удовлетворении — не просто техническом,

а почти творческом, будто наконец собрал давно задуманную композицию из разрозненных кусочков чужой жизни. Мышцы плеч расслабляются, напряжение последних часов работы отпускает, сменяясь тихим азартом человека, приближающегося к финалу долгой партии. Записывает короткую заметку в блокнот рядом с ноутбуком, привычка фиксировать этапы работы над любым проектом, даже секретным, о нём никому не расскажешь.

Сохраняет финальный ролик в отдельную папку, название присваивает нейтральное, ничем не привлекающее внимание постороннего взгляда. Рядом кладёт лог-файл рендера — привычка, оставшаяся с университетских времён, когда преподаватель требовал документировать каждый этап работы над проектом. Дима никогда не удаляет такие файлы, архивирует методично, будто где-то на подкорке понимает ценность доказательства собственной работы, даже когда работа эта далека от честной. Копирует лог в резервную папку на внешнем диске, туда же, где хранит остальные рабочие проекты последних лет, не задумываясь, что этот жест методичности однажды сработает против него самого.

Копирует финальный файл на телефон, переименовывает в «2019_Bar_Kiss.mp4», открывает мессенджер, находит переписку с Артёмом. Пролистывает историю сообщений вверх — обычная переписка друзей, шутки про футбол, договорённости о встречах, ничего необычного, что могло бы вызвать подозрение перед отправкой такого сообщения.

Пальцы зависают над экраном на секунду — последний момент, когда решение ещё можно отменить, вернуть комнату к прежней тишине и невинности отснятого материала. Но рука уже набирает сообщение сама, будто отдельно от остального сознания.

«Случайно нашёл в общих файлах, это же не Оксана? Ужас какой».

Прикрепляет видео, отправляет, откладывает телефон экраном вниз на стол рядом с остывшей пастой. Сразу поднимается, отходит к окну, будто физическая дистанция от телефона способна отсрочить неизбежное развитие событий. Уведомление о прочтении приходит почти мгновенно — Артём онлайн, читает переписку в реальном времени. Дима представляет, как друг сидит сейчас где-то на диване с телефоном в руках, лицо застывшее, глаза бегают по экрану, пытаюсь осмыслить увиденное. Проходит минута, другая, а ответа всё нет, только три точки набора текста периодически появляются и пропадают на экране, будто Артём несколько раз начинает и стирает написанное, не находя подходящих слов.

Комната погружается обратно в полумрак, только курсор монтажной программы мигает на опустевшем таймлайне, будто ждёт следующей задачи. Дима закрывает ноутбук, но спать не идёт ещё долго, сидит у окна, наблюдая, как в доме напротив гаснут одно за другим окна чужих квартир, и думает о том, как быстро завтрашнее утро изменит расста-

новку сил вокруг человека, искренне считаемого им своей собственностью.

Телефон наконец вибрирует коротким сигналом входящего сообщения. Дима не спешит смотреть, выжидает секунд десять, растягивая момент предвкушения, прежде чем взять телефон в руки и прочитать первую реакцию друга на увиденное.

Глава 7. Землетрясение

— Ну куда ты вертишься, стой ровно, — мама держит булавки во рту, поправляет подол свадебного платья, присевшая рядом на корточках у зеркала в моей старой комнате. — Ещё чуть-чуть, и можно снимать мерки для окончательной подгонки.

Утро субботы началось спокойно — приехала к родителям пораньше, договорилась с портнихой на дому, чтобы не тратить время на поездку в салон. Платье сидит почти идеально, только в талии нужно чуть ушить, мама щурится, оценивая линию кроя профессиональным взглядом бывшей портнихи текстильной фабрики. За окном светит солнце, где-то во дворе сосед косит газон, обычные звуки выходного дня, ничего не предвещающего беды. Портниха, женщина в возрасте с добрым лицом и очками на цепочке, ловко орудует сантиметровой лентой, что-то приговаривая себе под нос про правильную посадку лифа.

Телефон в другой комнате начинает звонить настойчиво, серией коротких вызовов подряд, но я стою на табуретке в свадебном платье, руки подняты, портниха обмеряет талию сантиметровой лентой, отвлекаться неудобно.

— Пусть звонит, — говорю маме, — потом перезвоню.

Через минуту хлопает входная дверь так резко, что стёкла

в шкафу дребезжат. Тяжёлые шаги по коридору, отец что-то спрашивает встревоженным голосом, но ответа не разбираю. Портниха вздрагивает, поднимает голову от подола, встревоженно смотрит на маму. Дверь в комнату распахивается без стука — на пороге Артём, лицо белое, глаза красные, будто не спал всю ночь, рубашка мятая, будто он выбежал из дома в спешке, забыв даже переодеться.

— Где она? — почти рычит он, хотя видит меня прямо перед собой, стоящую на табуретке в платье с булавками по подолу.

— Артём, что случилось? — спрашиваю, слезая с табуретки неловко, портниха отшатывается в сторону, роняя катушку ниток на пол.

Он достаёт телефон трясущейся рукой, швыряет его на туалетный столик так резко, что крышка косметички отлетает в сторону, рассыпая тени по стеклу.

— Продажная тварь! — кричит он, голос срывается на визг. — Ты с моим другом в баре целовалась, да? Пока я работал, пока свадьбу планировал, ты с Антоном по барам моталась?

В голове секунду полная пустота, будто мозг отказывается складывать слова в осмысленную картину. Антон, бар, поцелуй — три слова, никак не соединяющиеся в единый образ, потому что ничего подобного никогда не происходило. Портниха тихо отступает к двери, бормочет что-то про перерыв, явно не желая оставаться свидетельницей семейной

драмы, но никто не обращает на неё внимания.

— Какой бар, о чём ты вообще? — спрашиваю, инстинктивно прикрывая грудь руками, хотя платье полностью закрытое.

— Вот об этом! — Артём хватается телефон обратно, тычет экраном мне в лицо. — Смотри сама, раз забыла!

На экране застывший кадр — я на видео поднимаю голову, кто-то целует меня у барной стойки, лицо целующего размыто движением, но по силуэту, по стрижке узнаваем сразу. Антон. Смотрю на видео секунду, две, пытаюсь понять происходящее, а мозг судорожно перебирает воспоминания — никогда не была с Антоном в баре, никогда не целовалась ни с кем, кроме Артёма, за последние два года точно. Пальцы дрожат, беру телефон из его руки, вглядываюсь пристальнее, замечаю странную рябь по краю кадра, лёгкий сбой в освещении на границе плеча — мелочь, ускользающая от глаз человека, охваченного яростью, но цепляющая моё внимание рабочим инстинктом дизайнера, привыкшего разбирать изображения на составные части.

— Это не я, — говорю тихо, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Артём, клянусь тебе, это монтаж какой-то, я никогда... смотри, вот тут край размытый, будто склеили два разных куса.

— Монтаж? — он смеётся коротко, зло, без единой капли веселья в голосе. — Ты меня совсем за дурака держишь? Там всё видно, лицо твоё, платье твоё, с корпоратива ещё! Ты

серьёзно думаешь, я в это твоё «размытый край» поверю?

Мама роняет булавки, застывает у зеркала с открытым ртом, руки прижаты к груди, будто пытается физически удержать колотящееся сердце. Отец появляется в дверях, оценивает ситуацию мгновенно, взгляд перескакивает с моего заплаканного лица на телефон на столике, потом на Артёма, встаёт между нами плечом вперёд, физически загораживая меня от продолжающегося надвигаться Артёма.

— Так, тихо все, — говорит отец твёрдым голосом, каким разговаривал когда-то с непокорными сослуживцами. — Артём, отойди на шаг и объясни спокойно, что происходит.

— Спокойно? — Артём почти визжит, тычет пальцем в сторону телефона на столике. — Ваша дочь мне изменяет с моим лучшим другом, а вы предлагаете спокойно поговорить?

Слёзы льются сами собой, горячие, обильные, размывают тушь по щекам, капают на белую ткань корсажа, оставляя тёмные пятна на месяцами выбираемом кружеве. Пытаюсь говорить, объяснить снова про монтаж, про то, что никогда не была в этом баре, но голос дрожит слишком сильно, слова застревают в горле комом, а руки трясутся так, что не могу даже указать на подозрительный участок видео повторно.

— Это видео, сука! — орёт Артём, обходя отца сбоку, тычет пальцем почти в моё лицо. — Там всё видно своими глазами! Ты правда думала, что я никогда не узнаю?

— Пап, помоги, — шепчу еле слышно, хватаясь за руку

отца дрожащими пальцами, ища опоры хоть в чём-то устойчивом посреди этого внезапного обрушения привычного мира.

Отец разворачивается резко, хватая Артёма за плечо крепкой хваткой, отталкивает назад к двери одним решительным движением. Годы военной службы чувствуются в этом жесте — не суетливая паника испуганного родственника, а холодный расчёт человека, привыкшего мгновенно оценивать угрозу и действовать без промедления.

— Хватит орать в моём доме, — говорит он тихо, но с такой сталью в голосе, что Артём на секунду замолкает. — Или уходишь по-хорошему прямо сейчас, или я вызываю милицию за нарушение порядка.

Артём вырывает плечо, отступает на шаг, но взгляд остаётся полным ненависти, направленной прямо на меня — не на отца, не на маму, застывшую у зеркала, только на меня одну, будто именно я сейчас превратилась в источник всей боли, скопившейся в нём за одну бессонную ночь просмотра чужого монтажа.

— Ладно, — цедит он сквозь зубы, поднимает с пола упавший телефон, разворачивается к двери. — Разберёмся. Ещё как разберёмся.

Хлопает дверью так же резко, как открывал, шаги удаляются по коридору, потом входная дверь, потом тишина, оглушительная после всего этого крика. Мама подбегает ко мне первой, обнимает осторожно, стараясь не смять платье, гла-

дит по спине дрожащими руками, шепчет что-то успокаивающее, слов не разобрать сквозь собственные всхлипы. Портниха выглядывает из коридора, лицо испуганное, не решается зайти обратно, спрашивает тихо, продолжать ли работу или лучше приехать в другой день.

— Приезжайте завтра, пожалуйста, — говорит отец за меня, провожая женщину до двери извиняющимся тоном. — Извините за неловкость, семейные обстоятельства.

Отец возвращается в комнату, садится рядом на край кровати, молчит какое-то время, потом произносит тихо, без осуждения, только с усталой заботой в голосе:

— Разберёмся, дочка. Найдём, кто это сделал и зачем.

Стою посреди комнаты в свадебном платье, покрытая пятнами размытой туши, а телефон Артёма всё ещё лежит отпечатком в памяти — застывший кадр с чужим поцелуем, украденным откуда-то и вставленным в мою собственную жизнь без спроса.

Глава 8. Изгнание

Артём поворачивается в коридоре, будто спохватившись, что ушёл недостаточно эффектно, тычет пальцем в сторону комнаты через плечо отца. Пиджак съехал набок, галстук ослаблен ещё сильнее прежнего, вид растрёпанный, совсем не похожий на привычного собранного жениха с рекламных буклетов свадебного салона.

— Это ещё не конец разговора, — цедит он, делая шаг обратно к двери.

Отец реагирует мгновенно — рука взлетает к воротнику рубашки Артёма, пальцы сжимаются на ткани крепкой хваткой, разворачивают его лицом к выходу одним слитным движением, будто отработанным годами практики.

— Конец, — говорит отец коротко, толкая Артёма вперёд по коридору к входной двери.

Артём спотыкается, восстанавливает равновесие, размахивается наотмашь правой рукой, целясь отцу в лицо со злостью человека, загнанного в угол собственной яростью. Отец блокирует удар предплечьем, движение выверенное, экономное, будто тело помнит рефлексy, вбитые давними тренировками. Перехватывает запястье Артёма, заламывает мягко, но убедительно, впечатывает его плечом в стену рядом с вешалкой для одежды.

— Даже не думай, — говорит отец тихо, почти шёпотом, наклонившись к самому лицу Артёма. — В моём доме руки не распускают.

Стою в проёме двери своей комнаты, всё ещё в свадебном платье, наблюдаю сцену будто через толстое стекло — звуки доходят приглушённо, движения кажутся замедленными, как в дурном сне. Замечаю боковым зрением, как локоть Артёма при падении задевает косяк входной двери, оставляя на белой краске неровную серую царапину — мелочь, никем в такой момент, кроме меня, не замеченную. Мама пробегает мимо меня к входной двери, распахивает её настежь, ждёт, пока отец вытолкнет Артёма за порог окончательно.

Отец разжимает хватку резко, Артём вываливается на лестничную площадку, хватается за перила, тяжело дышит, лицо красное от унижения и злости одновременно.

— Мы своих в обиду не даём, — бросает отец ему вслед, захлопывая дверь.

Мама тут же поворачивает замок на два оборота, прислоняется спиной к двери, будто физически удерживает происходящее снаружи. Несколько секунд в квартире стоит полная тишина, только моё собственное дыхание, сбивчивое, слишком громкое для такого маленького коридора.

Ухожу обратно в комнату, снимаю платье трясущимися руками, роняю несколько булавок на пол — они закатываются под кровать, туда, куда потом обязательно кто-то наступит босой ногой. Переодеваюсь в старую домашнюю футбол-

ку, ту самую, со школьных времён, так и не выброшенную мамой из шкафа. Ткань мягкая, застиранная почти до дыр, пахнет знакомым порошком, каким мама пользуется уже лет пятнадцать подряд, и от этого запаха внутри становится чуть спокойнее, будто детство ненадолго возвращает часть утраченной сегодня безопасности.

Телефон лежит на кровати экраном вниз, боюсь брать его в руки, боюсь очередного звонка, очередного сообщения, способного разрушить последние остатки внутреннего равновесия. Через несколько минут телефон всё-таки вибрирует. Дима.

Отвечаю не сразу, после третьего гудка, голос сиплый от недавних слёз.

— Оксан, я слышал, что случилось, — говорит он взволнованно, слишком взволнованно для человека, узнавшего новость из вторых рук. — Артём мне написал какую-то дичь, я даже не понял толком. Ты как вообще?

— Плохо, — отвечаю коротко, не имея сил на подробности.

— Могу приехать, если хочешь, — предлагает он тут же. — Посидим, поговорим, я хорошо умею слушать, ты же знаешь.

— Не надо, спасибо, — говорю, сама себе удивляясь скорости собственного ответа. — Не хочу сейчас никого видеть.

— Слушай, я просто хочу помочь, — продолжает Дима, голос становится мягче, почти вкрадчивым. — Не верь это-

му идиоту, ладно? Он сейчас не в себе, наговорит ерунды сгоряча. Сделай паузу, отдохни пару дней, а там разберётесь.

Слова звучат вроде бы правильно, заботливо, но что-то в интонации царапает внутри неприятным холодком, необъяснимым пока, списываемым на общую взвинченность после утренней сцены. Спрашивает про Артёма чересчур подробно для простого сочувствия — что именно он говорил, показывал ли ещё что-нибудь, поверила ли я хоть на секунду.

— Спасибо, Дим, — говорю устало. — Мне сейчас правда не до разговоров.

— Конечно, понимаю, — соглашается он быстро. — Просто помни, я рядом, если что. И постарайся вообще телефон особо не смотреть сегодня, помогает иногда просто отключиться на пару часов, дать голове отдохнуть от всего этого шума.

Странная рекомендация застревает в голове отдельным холодным островком посреди общего оцепенения — с чего вдруг именно телефон, именно сегодня, будто кто-то заранее предвидел, что дальнейшие сообщения способны изменить картину происходящего не в его пользу.

Кладу трубку, бросаю телефон обратно на кровать, закрываю глаза, пытаюсь унять колотящееся сердце хотя бы на несколько минут тишины. Мама заглядывает в комнату с чашкой чая, ставит на тумбочку, гладит по волосам молча, не задавая лишних вопросов, понимая интуитивно, что слова сейчас бессильны. Присаживается рядом на край кроват-

ти, обнимает за плечи, и мы сидим так минут пять, не произнося ни слова, слушая, как за окном обычная жизнь двора продолжается своим чередом, будто ничего страшного сегодня не случилось.

— Разберёмся, доченька, — говорит она наконец, целуя в макушку. — Отец уже звонит своим бывшим сослуживцам, кто-то из них сейчас в киберполиции работает, поможет разобраться с этим видео.

Слова успокаивают немного, знание того, что взрослые уже действуют, снимает часть давящей тяжести с груди. Допиваю чай, ставлю пустую чашку обратно на тумбочку, а телефон снова вибрирует — короткое сообщение, не звонок. Экран высвечивает имя Антона — редкость, обычно переписываемся только по рабочим вопросам в общем чате команды.

«Я знаю, где находится бар на том видео. Я там не был в этот день. У меня есть геолокация из чека с АЗС в тот вечер. Пришлю, если нужно».

Читаю сообщение трижды подряд, каждый раз медленнее предыдущего, вникая в сухую конкретику фраз, в отсутствие лишних утешений и сочувственных смайликов. Никаких «держись», никаких «мне жаль», только факты, выстроенные ровным логическим рядом, будто он уже сам всё проверил заранее, прежде чем написать хоть слово. Задумываюсь мельком, откуда вообще у Антона это видео — оказывается, стажёр наткнулся на ролик в общем рабочем чате, куда

его успел закинуть кто-то из знакомых Артёма, и переслал Антону просто спросить, не розыгрыш ли это дурацкий.

Внутри что-то смещается, тихо, почти незаметно — смещается сама почва под привычной паникой последних часов. За весь день только сейчас появляется опора, за неё можно ухватиться без лишних эмоций — опираясь на факт, конкретный и проверяемый.

«Пришли, пожалуйста», — набираю дрожащими пальцами короткий ответ, чувствуя, как внутри крошечной искрой затепливается что-то похожее на надежду.

Ответ приходит почти мгновенно, будто Антон держал телефон наготове, ожидая моей реакции.

«Через пять минут. И ещё — ты не виновата, кто бы это ни сделал».

Перечитываю последнюю фразу отдельно от остального, откладывая телефон на подушку рядом, за этот бесконечный день позволяя себе выдохнуть чуть свободнее — редкий момент облегчения. За окном начинает темнеть, мама тихо прикрывает дверь комнаты, оставляя щель для света из коридора, а я лежу, глядя в потолок, и думаю о царапине на дверном косяке — крошечном следе сегодняшнего землетрясения, обречённом остаться там ещё очень долго, напоминая каждому входящему о дне, разделившем жизнь на до и после.

Глава 9. Чек из АЗС

Обещанные пять минут растягиваются почти на двадцать, но телефон наконец вибрирует снова. Лежу неподвижно на кровати, глядя в потолок, слушаю, как за стеной родители тихо переговариваются на кухне, обсуждая произошедшее приглушёнными голосами. Скриншот приходит без единого слова — просто картинка, экран мобильного банковского приложения крупным планом.

Разглядываю детали пристально, забыв на секунду моргнуть. Оплата на заправке, сумма небольшая, время платежа отпечатано чётко внизу карточки операции — двадцать два часа сорок пять минут. Название заправочной станции знакомое, эта сеть встречается по всему городу, но конкретный адрес указан рядом мелким шрифтом, на другом краю города относительно бара из видео.

Открываю карты на телефоне параллельно, вбиваю оба адреса, смотрю на маршрут между точками. Даже на машине без пробок дорога занимает не меньше сорока минут, а видео, присланное Артёмом, датировано двадцатью тремя часами десятью минутами. Разница получается ровно двадцать пять минут — физически недостаточно даже для быстрой езды через весь город.

Следующее сообщение приходит без промедления.

«Видишь? Я оплатил бензин почти за полчаса до того момента на видео. Между заправкой и баром минимум сорок минут пути. Я физически не мог там оказаться».

«А зачем ты вообще заправлялся именно в тот вечер?» — набираю в ответ, чувствуя себя немного глупо от такого вопроса, но всё равно нуждаясь в полной картине происходящего.

«Ехал домой с корпоратива, машина показывала низкий остаток топлива на приборной панели, заскочил по пути. Обычная бытовая мелочь, никем специально не подстраиваемая заранее».

Читаю ещё раз, проверяю адреса самостоятельно, ищу заправку через поисковик, сверяю фотографии здания — реальное место, реальная сеть, никакой подделки в этом отношении быть не может. Внутри что-то отпускает, тугой узел напряжения последних суток слегка ослабевает, хотя полное облегчение пока не приходит — слишком много вопросов остаётся без ответа, слишком много непонятного вокруг того, кто вообще создал это видео и зачем.

Встречаемся два дня спустя в маленькой кофейне на окраине района, подальше от офиса, подальше от знакомых лиц и случайных встреч с общими коллегами. Место выбрал Антон — тихое, почти пустое в будний полдень, столики расставлены достаточно далеко друг от друга для приватного разговора.

Прихожу первой, сажусь у окна, кручу в руках телефон,

поглядываю на дверь каждые несколько секунд. Заказываю чай, хотя обычно предпочитаю кофе, — организм и без кофеина взвинчен до предела последних дней. Ночи после случившегося получаются короткими, урывками, с частыми пробуждениями от малейшего звука. Под глазами залегли тени, никаким консилером уже не маскируемые полностью, а руки подрагивают мелкой дрожью, стоит только вспомнить крик Артёма в родительской квартире.

Антон появляется минута в минуту, без опоздания, садится напротив, заказывает себе просто чёрный кофе, спрашивает, что взять мне. Голос ровный, спокойный, ни капли той нервозности, что колотится внутри меня самой последние дни без остановки.

— Как ты вообще держишься? — спрашивает он, вглядываясь внимательно, будто оценивает состояние по внешним признакам.

— Плохо, если честно, — отвечаю, обхватывая ладонями чашку с чаем для тепла, хотя день на улице совсем не холодный. — Голова кругом, ничего не понимаю, кто это вообще сделал и зачем.

— Понимаю, — говорит он просто, без лишних утешительных фраз, без попытки заполнить паузу дежурным сочувствием. — Но паника сейчас худший советчик. Нужно действовать методично.

— С чего начать вообще? — спрашиваю, чувствуя себя потерянной перед масштабом происходящего. — У меня да-

же мысли путаются, кому вообще могло понадобиться такое устраивать.

— Об этом подумаем чуть позже, — говорит Антон спокойно. — Сначала факты, потом мотивы. Иначе утонем в догадках, не продвинувшись ни на шаг.

— Нужно найти исходники, — отвечает он, придвигая кофе ближе, размешивая сахар неторопливым движением ложки. — Если видео смонтировано, остаются следы в метаданных — время создания файла, программа обработки, иногда даже название проекта в системных данных. Такие вещи не всегда стираются полностью, особенно если человек делал это в спешке или без должной осторожности.

— А как их найти, эти метаданные? — спрашиваю, цепляясь за конкретику предложенного плана, как утопающий за брошенный канат.

— Нужен доступ к оригинальному файлу, а не к пересланной версии через мессенджер, — объясняет он терпеливо, будто читает короткую лекцию стажёру у кофемашины. — Пересылка сжимает файл, теряет часть служебной информации. Если найдём исходник — сможем проверить дату создания, программу монтажа, вообще всю историю обработки.

— У Артёма же есть исходный файл на телефоне, — соображаю вслух. — Только просить его сейчас об этом — всё равно что просить прыгнуть с крыши.

— Тогда придётся искать другим путём, — Антон посту-

кивает пальцем по краю чашки, обдумывая варианты. — У компании остались рабочие копии с видеографа для официального ролика. Можно попробовать зайти через них.

Слушаю внимательно, киваю, ощущая, наконец, что ситуация обретает хоть какие-то очертания плана, а не просто беспросветного хаоса вокруг. Антон говорит спокойно, без нажима, без попытки казаться героем момента, просто раскладывает проблему на составные части, будто решает техническую задачу на работе.

Телефон вибрирует прямо на столике, экран высвечивает имя Артёма. Отклоняю звонок машинально, переворачиваю телефон экраном вниз.

— Прости, — говорю, чувствуя себя странно виноватой за это простое движение.

— Ничего, — отвечает Антон коротко, отпивая кофе, не проявляя ни малейшего любопытства к содержанию звонка.

Позже вечером, уже дома у родителей, читаю накопившиеся сообщения от Артёма одно за другим. Сажу на кровати, подобрав ноги, телефон греется в руках от долгого использования за день, а лента сообщений тянется вниз бесконечной вереницей уведомлений. Первые полны раскаяния — «прости меня, я сорвался», «я был не в себе», «давай поговорим спокойно». Но уже через несколько сообщений тон резко меняется, будто кто-то переключил невидимый тумблер внутри него самого.

«Кстати, а куда ты сегодня ездила? С кем встречалась?»

«Отвечай, куда ты гуляешь целыми днями, пока я тут переживаю».

«Я же вижу, что ты онлайн, почему игноришь?»

Читаю подряд, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая усталость, вымотавшая гораздо сильнее прямой злости. Извинение и обвинение в одном потоке сообщений, будто он сам не понимает, чего хочет добиться в итоге — прощения или очередного скандала.

Захожу в настройки телефона, отключаю уведомления от его номера полностью, оставляя возможность написать при желании, но убирая назойливые вибрации и всплывающие окна, вытягивающие последние силы из и без того истощённого дня. Палец висит на секунду над кнопкой полной блокировки номера — искушение отрезать разговор совсем, но что-то внутри останавливает, какая-то часть меня ещё не готова к настолько окончательному решению. Ограничиваюсь просто беззвучным режимом, компромиссом между полным разрывом и постоянной пыткой уведомлений.

Экран гаснет, комната погружается в тишину, а внутри поселяется странное новое чувство — не облегчение полностью, но хотя бы временная передышка от постоянного давления. За окном где-то далеко лает собака, обычные звуки вечернего района, будто мир снаружи вообще не в курсе, что моя собственная жизнь за последние два дня перевернулась вверх дном.

Глава 10. Антон и логика

— А кто вообще мог знать, где я в тот вечер, во что одета, с кем рядом стояла? — спрашиваю, глядя в чашку с остывающим чаем. Сидим в той же тихой кофейне, вторая встреча за неделю, уже привычнее прежней, знакомый столик у окна, тот же спокойный полдень без лишних глаз.

— Хороший вопрос, — отвечает Антон, откладывая телефон в сторону, полностью сосредотачиваясь на разговоре. — Давай по порядку. Кто снимал видео на корпоративе?

— Видеограф, нанятый Димой для официального ролика компании, — говорю, а внутри что-то тревожно сжимается от произнесённого вслух имени. — Он организовывал всю съёмку.

— Значит, у него был доступ к сырому материалу, — Антон загибает палец, будто выстраивает цепочку логических звеньев физически, на пальцах. — Дима работает с контентом по роду занятий, разбирается в монтаже лучше среднего пользователя. Он твой коллега, видел тебя на площадке рядом со мной.

Молчу секунду, прокручивая в голове события последних месяцев — постоянные комплименты в личку, предложения персональной фотосессии, странное объятие на прощание после вечеринки, задержавшееся дольше обычного друже-

ского жеста. Раньше все эти детали казались разрозненными эпизодами, каждый по отдельности объяснимым, но сейчас они выстраиваются в непрерывную линию, ведущую в одну и ту же сторону.

— Он мне и раньше казался немного навязчивым, — признаюсь тихо, проговаривая это вслух постороннему человеку в первый раз. — Но я списывала на обычную общительность фотографа, на профессиональный азарт.

— Кому выгодно устроить такое? — продолжает Антон, не отвлекаясь на мои сомнения, держась строго логической канвы рассуждения. — Смотри: у человека есть мотив, доступ к материалу, технические навыки для обработки. Три составляющих сходятся в одной точке.

Слушаю его рассуждения, чувствуя, как хаотичные обрывки последних дней складываются в подобие связной картины, пусть пока без прямых доказательств, только логика и совпадения. Но даже такая опора кажется устойчивее полного отсутствия объяснений.

— У меня дома стоит мощный компьютер, специально собирал под рабочие задачи, — говорит Антон, меняя тему неожиданно практично. — Можем посмотреть присланное видео на большом экране, куда пристальнее исходной картинки на телефоне. Хотя бы примерно оценить, есть ли следы монтажа на уровне сжатия.

Соглашаюсь без долгих раздумий, хотя мысль о посещении чужой квартиры вызывает лёгкое смущение, быстро вы-

тесняемое насущной необходимостью разобраться в происходящем. Едем к нему на такси в молчании, за окном мелькают вечерние улицы, город постепенно зажигает фонари вдоль проспекта. Держу телефон в руках, но не смотрю в экран, просто сжимаю его для собственного успокоения, наблюдая за проплывающими мимо витринами закрывающихся магазинов.

Квартира встречает порядком, почти стерильным по сравнению с привычным домашним хаосом Артёма. Обувь на подставке выстроена парами, куртки на вешалках висят по цвету, книжные полки организованы, кажется, по алфавиту авторов. Заглядываю в кухню мельком — даже специи в шкафчике расставлены аккуратными рядами, этикетками наружу. На холодильнике магнитик держит листок с расписанием дел на неделю, аккуратным почерком расписанный по дням и часам.

— Проходи, — говорит Антон, кивая на дверь рабочего кабинета в конце коридора.

Комната встречает меня рядами мониторов на столе, кабели уложены в специальные короба вдоль стены, ни одного лишнего провода на виду. На полке аккуратными стопками разложена техническая литература, корешки выровнены по высоте. Ни единой пылинки, ни разбросанных бумаг, ни забытых чашек с недопитым кофе — полная противоположность привычному беспорядку в квартире Артёма, где грязная посуда днями скапливается в раковине, а зарядки от те-

лефонов путаются по всем комнатам одновременно. Кресло стоит ровно под нужным углом к монитору, будто вымерено линейкой заранее, а не подвинуто небрежно ногой перед началом работы.

— Садись сюда, — Антон подвигает мне кресло у центрального монитора, сам устраивается рядом на соседнем стуле. — Сейчас загружу файл, покажу основы.

Открывает специальную программу, загружает присланное Артёмом видео, растягивает изображение на весь экран. Курсор скользит по временной шкале, останавливается на кадре с моим лицом.

— Смотри сюда, — указывает на нижний правый угол картинки. — Видишь эту едва заметную рябь вдоль контура? Битрейт скачет именно в этом месте, будто два разных куска видео склеены встык, и кодировщик не справился идеально стереть границу.

Вглядываюсь пристально, действительно замечаю лёгкое искажение, почти неразличимое невооружённым глазом на маленьком экране телефона, но отчётливое здесь, на большом мониторе с правильной цветопередачей. Антон приближает участок кадра ещё сильнее, показывает соседний фрагмент для сравнения — там граница чистая, ровная, без малейшей ряби, разница видна даже неспециалисту при таком сопоставлении.

— Это доказательство? — спрашиваю с надеждой в голосе, вцепившись пальцами в край стола.

— Скорее сильный намёк, — уточняет Антон осторожно, не желая обнадеживать раньше времени. — Для суда нужны исходники и заключение эксперта. Но для нас с тобой этого достаточно, чтобы понимать: мы ищем в верном направлении.

— Значит, дальше искать исходник у видеографа? — уточняю, чувствуя, как внутри загорается конкретная цель вместо расплывчатой тревоги.

— Именно, — кивает Антон. — Завтра попробую написать оператору напрямую, скажу, что нужны материалы для внутреннего отчёта компании. Формальный повод сработает надёжнее личной просьбы.

Сию в этом идеально организованном пространстве, среди ровных рядов книг и аккуратно уложенных кабелей, и за последние дни ощущаю подобие покоя в первый раз. Здесь всё подчинено порядку, логике, предсказуемости — полная противоположность хаосу последней недели, взорвавшему привычную жизнь непредсказуемым чужим монтажом.

— Спасибо, что помогаешь, — говорю тихо, глядя на его сосредоточенный профиль в свете монитора. — Не представляю, что делала бы одна со всем этим.

Антон поворачивается ко мне, взгляд серьёзный, без обычной сдержанной дистанции последних недель.

— Мы разберёмся, — говорит он просто. — Обещаю.

Сидим ещё какое-то время молча, глядя на застывший кадр на экране, а за окном постепенно темнеет полностью,

город зажигает окна квартир одно за другим. Долгое время не хочется никуда торопиться, объяснять что-то, оправдываться перед кем-то — просто сидеть в этой тихой, упорядоченной комнате, чувствуя рядом присутствие человека, способного удержать равновесие даже посреди чужого хаоса.

Глава 11. Компрометирующее окружение

— Смотри ещё сюда, — говорит Антон, отматывая видео на пару кадров назад, останавливаясь ровно на моменте, где лицо на экране поворачивается вбок. — Тень под подбородком.

Придвигаюсь ближе к монитору, локти на столе, подбородок на сложенных ладонях, стараясь разглядеть то, на что указывает курсор. Вглядываюсь, не сразу понимая, на что именно смотреть. Тень как тень, обычная игра света от барной подсветки.

— Присмотрись к движению, — Антон запускает воспроизведение покадрово, медленно, будто листает страницы книги. — Голова поворачивается, а тень чуть отстаёт, плывёт с задержкой в доли секунды. Настоящая физика света так не работает — тень должна двигаться синхронно с источником.

Теперь замечаю сама — едва уловимое несоответствие, будто наложенное изображение живёт по собственным законам, не до конца согласованным с окружающей сценой.

— Это следы замены лица, — поясняет Антон, останавливая кадр окончательно. — Нейросеть хорошо справляется с самим лицом, с движением губ, даже с текстурой кожи.

Но тени, отражения, мелкая физика освещения — тут алгоритмы обычно спотыкаются, не хватает контекстной модели окружения.

Слушаю, чувствуя, как внутри одновременно нарастают облегчение и новый виток тревоги. Облегчение от очередного подтверждения собственной невиновности, тревога от осознания масштаба технологии, способной так убедительно исказить реальность ради чужих целей.

— Получается, кто-то реально умел с этим работать, — говорю тихо. — Не просто на коленке слепил.

— Определённый уровень навыка нужен, да, — соглашается Антон, откидываясь на спинку кресла. — Не профессиональная студия, но и не любитель с первым попавшимся приложением.

Замолкаю, глядя на застывший кадр, а мысли утягивают меня назад, в вечер корпоратива. Вспоминаю, как Дима стоял у высокого столика, наблюдая за танцполом с телефоном в руке, снимая сторис для рабочих соцсетей. Тогда казалось обычным вниманием увлечённого фотографа, теперь всплывает другой ракурс воспоминания — как долго он держал камеру направленной именно в мою сторону, как редко опускал телефон вообще. Вспоминаю ещё один момент — короткий, почти незаметный тогда: он подошёл забрать пустой бокал, задержал взгляд чуть дольше секунды, будто фотографировал глазами, а не объективом.

Перебираю в памяти прошлые месяцы отдельными

вспышками, будто листаю старый альбом заново, замечая детали, ускользавшие тогда от внимания. Случайное прикосновение к плечу дольше нужного при прощании. Комментарии под фотографиями, звучавшие чуть личнее обычной коллегиальной вежливости. Настойчивые предложения фотосессий, повторявшиеся с завидной регулярностью, несмотря на вежливые отказы.

— Ты как? — спрашивает Антон, заметив, видимо, изменившееся выражение моего лица.

— Просто вспоминаю всякое, — отвечаю, потирая переносицу. — Раньше не придавала значения, а сейчас каждая мелочь складывается в другую картину.

— Это нормально, — говорит он мягче обычного. — Задним числом мозг всегда видит закономерности яснее.

Смотрю на часы — почти восемь вечера, желудок напоминает о себе тихим урчанием, весь день толком не ела, только чай в кофейне утром.

— Оставайся на ужин, — предлагает Антон, вставая с кресла. — Приготовлю что-нибудь простое, паста есть, овощи есть.

Соглашаюсь без долгих раздумий, следуя за ним на кухню, устраиваюсь на высоком табурете у барной стойки, наблюдая, как он методично раскладывает продукты по разделочной доске. Движения уверенные, отработанные, без суеты, будто готовка для него такая же понятная система, как код или монтаж видео. На полке рядом с плитой ровным ря-

дом стоят баночки со специями, подписанные аккуратным почерком — совсем как в комнате с техникой, тот же порядок, распространяющийся даже на кулинарию.

— Ты вообще откуда так хорошо разбираешься во всей этой видеоаналитике? — спрашиваю, наблюдая, как нож ровными движениями режет чеснок тонкими пластинками.

— По работе приходится, — пожимает плечами Антон, ссыпая чеснок на разогретую сковороду. — Плюс увлекаюсь любительской астрофотографией, там та же история с шумоподавлением и артефактами обработки, только вместо лиц звёзды.

— Астрофотография? — переспрашиваю с искренним любопытством, забыв на минуту про усталость последних дней.

— Снимаю туманности, звёздные скопления, иногда планеты в хорошую погоду, — объясняет он, помешивая соус деревянной лопаткой. — На балконе стоит телескоп, могу как-нибудь показать, если интересно.

Разговор естественно перетекает от космоса к программированию, потом обратно к звёздам, минуя тему свадьбы, минуя тему Артёма, минуя всё, что последние дни давило неотступной тяжестью. За долгое время говорю о вещах, не имеющих отношения к катастрофе собственной жизни, и это ощущается почти забытой роскошью. Антон рассказывает про последнее наблюдение туманности Ориона, показывает на телефоне снимок, сделанный неделю назад с балкона, —

размытое облако сиреневого и голубого света на чёрном фоне, впечатляющее даже для человека, ничего не смыслящего в астрономии.

— Красиво, — говорю искренне, разглядывая фотографию. — Никогда не думала, что с обычного балкона можно снять такое.

— Нужен хороший телескоп и терпение, — отвечает он, забирая телефон обратно. — Большинство людей сдаются после первой неудачной попытки, а тут важно просто продолжать пробовать, подстраивать настройки заново каждый раз.

Паста готова минут через двадцать, простая, но безупречно приготовленная — чеснок не подгорел, соус не пересолен, спагетти сварены ровно до нужной твёрдости. Едим за небольшим кухонным столом, разговор течёт легко, без напряжённых пауз, без необходимости следить за тоном или выбирать слова осторожно.

— Спасибо, — говорю, доедая последний кусочек. — Давно не было так спокойно, если честно.

Антон смотрит на меня секунду дольше обычного разговорного момента, взгляд тёплый, но сдержанный, будто он позволяет себе лишь краешек настоящих эмоций.

— Всегда пожалуйста, — отвечает он просто. — Заходи ещё, когда захочется.

Убираем посуду вместе, молча, слаженно, будто делали это уже много раз прежде, а не только сегодняшним вечером

в первый раз. За окном город продолжает жить своей обычной жизнью, но здесь, на этой маленькой кухне, время течёт совсем в другом темпе — медленном, безопасном, почти забытом за последние тревожные дни.

Глава 12. Пауза

— Оксан, можно тебя на минуту? — голос Артёма раздаётся прямо у моего стола, неожиданно, без предупреждения.

Отвлекаясь от письма клиенту на середине предложения, курсор мигает на недописанной строке. Поднимаю голову от макета — он стоит с букетом белых роз, костюм отглажен, волосы уложены, будто явился на важные переговоры, а не на разговор с невестой после недельного молчания. Коллеги за соседними столами старательно делают вид, что заняты работой, но по напряжённым спинам понятно — все слушают.

— Что тебе нужно, Артём? — спрашиваю ровно, не вставая с места, не притрагиваясь к цветам, протянутым мне через стол.

— Хотел извиниться нормально, — говорит он, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Я погорячился тогда, сорвался, знаю. Может, поужинаем вечером, обсудим всё спокойно, вернёмся в нормальное русло? Я и родителям твоим уже придумал, как объясниться.

Смотрю на него долго, изучая знакомое лицо, замечая, насколько чужим оно вдруг стало за одну неделю. Букет роз пахнет приторно-сладко, совсем не вписываясь в атмосферу офисного опенспейса с гудящими принтерами и запахом кофе из общей кухни.

— Свадьбы не будет, Артём, — говорю тихо, но твёрдо, чувствуя, как слова наконец обретают форму, вызревавшую внутри последние дни. — Ни в этом месяце, ни в следующем. Возможно, вообще.

Лицо его меняется мгновенно — недоумение сменяется раздражением, раздражение переходит в почти детскую обиду.

— Ты серьёзно из-за одного скандала всё рушишь? — спрашивает он, повышая голос настолько, что пара голов за соседними столами всё-таки поворачивается в нашу сторону. — Я же извинился!

— Дело не в одном скандале, — отвечаю, стараясь держать голос ровным, несмотря на внутреннюю дрожь. — Дело в том, как быстро ты поверил монтажу, даже не попытавшись выслушать меня спокойно. В том, как легко перешёл на крик и оскорбления при моих родителях. Каждый вечер теперь прокручиваю в голове ту сцену заново, а забыть никак не получается.

Артём открывает рот, чтобы возразить, но не находит слов, только хватает воздух, будто рыба на суше. Розы в его руке чуть подрагивают, лепестки роняют мелкие капли влаги на пол рядом со столом. Замечаю боковым зрением, как менеджер проекта деликатно отворачивается к экрану, делая вид, что поглощён важным письмом, хотя монитор перед ним давно погас в режиме ожидания.

— Мне нужна пауза, — договариваю, чувствуя, как внут-

ри одновременно тяжело и странно легко от произнесённого вслух решения. — Настоящая, а не формальная отсрочка на пару дней.

Разворачивается резко, отходит от стола, не оставляя цветы, унося их с собой обратно к лифту, будто сам не знает, куда девать теперь ненужный жест примирения. Провожая его взглядом, чувствуя странную пустоту вместо ожидаемого удовлетворения от произнесённых слов — будто победа в этом разговоре не приносит облегчения, только новую усталость поверх старой. У самого лифта его перехватывает Дима, выходящий из соседнего отдела маркетинга с чашкой кофе в руке.

— Ну что, поговорили? — спрашивает Дима, хотя явно уже знает ответ по одному только выражению лица друга.

— Она сказала, паузу берёт, — бормочет Артём, пряча взгляд.

— Я же тебе говорил, дай ей время остыть, — Дима хлопает его по плечу покровительственным жестом. — Женщины после скандалов всегда сначала злятся, потом отходят. Пойдём сегодня в бар, забудешь обо всём на пару часов, развеешься нормально.

— Может, я лучше домой, — начинает Артём неуверенно, но Дима уже увлекает его к лифту, продолжая что-то бодро объяснять про новое заведение неподалёку, про скидки на коктейли по будням. Артём оглядывается напоследок в мою сторону — взгляд растерянный, почти детский, будто он всё

ещё не понимает, что именно произошло между нами за последние минуты.

Наблюдаю сцену со своего места, чувствуя странную смесь облегчения и горечи одновременно — облегчение от того, что разговор состоялся и наконец завершился, горечь от того, как легко Дима уводит Артёма подальше от любых серьёзных размышлений, подальше от возможности остаться наедине с собственными мыслями. Кажется, будто он специально появился именно в эту минуту, будто ждал где-то поблизости развязки, готовый подхватить друга сразу после первого удара.

Двери лифта почти закрываются, когда Дима на долю секунды поворачивает голову в мою сторону. Взгляд задерживается на мне дольше обычного прощания с коллегой, оценивающий, изучающий, будто он проверяет реакцию на собственную маленькую победу. Артём этого не замечает, уткнувшись в телефон рядом, а я замечаю каждую секунду, каждый миллиметр этого странного изучающего взгляда. На мгновение уголки его губ трогает едва заметная улыбка — самодовольная, лишённая и тени дружеского сочувствия, будто он единственный в этой истории точно знает, чем всё закончится.

Двери закрываются окончательно, лифт уносит обоих вниз, а я остаюсь стоять посреди опенспейса, чувствуя, как по коже пробегает неприятный холодок, необъяснимый пока рационально, но отчётливо ощутимый где-то на уровне ин-

стинкта.

— Ты как? — раздаётся голос Антона у меня за спиной, тихий, спокойный, разительно отличающийся от только что отгремевшей сцены.

Оборачиваюсь — он стоит, скрестив руки, взгляд направлен не на меня, а туда же, куда только что смотрела я сама, на закрывшиеся двери лифта. В его позе чувствуется странная неподвижность, будто он давно уже стоит на этом месте, наблюдая за развязкой сцены с самого начала, но не вмешиваясь, пока не закончится действие.

— Нормально, наверное, — отвечаю, потирая внезапно похолодевшие руки. — Сказала ему про паузу. Он не особо обрадовался.

— Я видел, — говорит Антон коротко, не отрывая взгляда от лифта. — И видел, как на тебя посмотрел Дима перед тем, как двери закрылись.

Внутри снова холодеет, тот самый инстинктивный холодок возвращается волной, только теперь подкреплённый чужим подтверждением — значит, не показалось, значит, не разыгравшееся от усталости воображение.

Антон поворачивается ко мне наконец, взгляд серьёзный, без обычной сдержанной дистанции.

— Этот парень смотрит на тебя как на свой трофей, — говорит он тихо, почти шёпотом, чтобы не слышали проходящие мимо коллеги. — Будь осторожна.

Слова повисают между нами тяжёлым грузом, не оставля-

ющим пространства для лёгкого ответа или привычной шутки. Смотрю на него, пытаюсь понять, что именно он имеет в виду — простую тревогу друга или нечто большее, замеченное острым взглядом человека, привыкшего анализировать детали, ускользающие от других. За спиной кто-то из коллег громко смеётся над шуткой в общем чате, обычная офисная жизнь продолжается своим чередом, совершенно равнодушная к разговору, разворачивающемуся у окна.

— Осторожна с чем именно? — спрашиваю, чувствуя, как голос предательски дрожит на последнем слове.

Антон медлит с ответом дольше обычного, будто взвешивает, стоит ли произносить вслух мысль, окончательно ещё не оформившуюся даже в его собственной голове.

— Пока не знаю точно, — признаётся он наконец. — Но чувствую — дело не только в этом видео.

Глава 13. Цифровой детектив

— Хочу, чтобы проверили ноутбук на всякие уязвимости, — говорю системному администратору Паше из соседнего отдела, придумывая на ходу правдоподобный повод. — В последнее время какие-то странные уведомления приходят, беспокоюсь за рабочие файлы.

Паша — невысокий парень с вечно взъерошенными волосами, известный в офисе тем, что чинит принтеры быстрее, чем большинство успевает пожаловаться на сбой. Кивает понимающе, подключает мой ноутбук к своему монитору, начинает копаться в настройках безопасности, бормоча что-то про устаревшие сертификаты и забытые сессии. Слова Антона про Диму крутятся в голове с самого утра, не дают покоя — если он действительно каким-то образом причастен к видео, должны остаться цифровые следы, доступные при должном терпении и правильных инструментах.

— О, а тут интересно, — Паша прищуривается на экран. — У тебя журнал доступа к облачному хранилищу активирован, довольно редкая настройка для обычного пользователя. Кто-то заходил в твой аккаунт три дня назад, в три часа ночи.

Сердце пропускает удар, внутри разом холодеет от одной мысли о ночном визите в личное пространство, о нём даже

не подозревала прежде.

— Можно посмотреть подробнее, откуда именно вход был? — спрашиваю, стараясь звучать спокойно, хотя пальцы уже сжимают край стола до побеления костяшек.

— Смотри сама, — Паша разворачивает монитор ко мне, открывает подробный лог. — IP-адрес привязан к домашней сети, судя по геолокации провайдера — район новостроек на востоке города.

Записываю адрес в блокнот дрожащей рукой, хотя район новостроек на востоке ничего конкретно не доказывает — там живут тысячи людей. Но что-то внутри уже уверенно связывает эту информацию с определённым лицом, определённым именем, слишком часто мелькающим в последних мыслях. Паша, ничего не подозревая о подоплёке моего беспокойства, продолжает копаться в настройках, советует сменить пароль на более сложный, добавить двухфакторную аутентификацию — обычные рекомендации, звучащие сейчас особенно уместно.

Вечером встречаюсь с Антоном у него дома, приношу распечатку журнала доступа, выложенную на кухонный стол между нами. За окном моросит мелкий осенний дождь, стёкла запотевают от разницы температур, а на плите тихо закипает чайник, забытый в процессе разговора.

— Смотри, вот время входа, — показываю пальцем строчку в списке. — Три часа ночи, IP из района новостроек. Дима как раз там живёт, я точно помню, он рассказывал про

новую квартиру прошлой весной.

Антон изучает распечатку внимательно, переключается на ноутбук, начинает вбивать что-то в специальную программу для анализа сетевых логов.

— Давай проверим, к каким именно файлам был запрос, — говорит он, сосредоточенно щёлкая по клавиатуре. — Облачные хранилища обычно логируют не только сам факт входа, но и конкретные действия внутри аккаунта.

Через несколько минут на экране появляется список запрошенных файлов, отсортированный по времени. Курсор Антона медленно скользит по строчкам, каждая с точным временным штампом и названием файла. Смотрю на названия папок, узнавая знакомые имена — «Отпуск», «Работа», «Семья», а среди них отдельной строкой выделяется папка «Лето, пикник».

— Именно эту папку он открывал дольше всего, — замечает Антон, увеличивая масштаб таблицы. — Судя по времени сессии, скачал оттуда штук пятнадцать фотографий, причём выборочно, не всю папку целиком.

Открываю саму папку на своём телефоне параллельно, пролистываю фотографии с того летнего пикника — компания коллег на природе, шашлыки, гитара, солнечные блики на воде. Помню тот день хорошо, обычный субботний выезд командой после закрытия крупного проекта, шашлык жарил как раз Дима, вызвавшийся добровольцем у мангала. Смотрю внимательнее на конкретные снимки, отмеченные систе-

мой как скачанные, и с неприятным холодком понимаю закономерность — все они крупным планом лицо, анфас, разные ракурсы, разное освещение, будто кто-то специально собирал материал для последующей работы.

— Это же похоже на подборку для тренировки нейросети, — говорю тихо, чувствуя, как внутри собирается воедино последний недостающий кусочек мозаики. — Разные ракурсы одного лица, разное освещение, чёткие крупные планы. Практически идеальный учебный материал.

Антон молчит секунду, обдумывая сказанное, потом кивает медленно, соглашаясь с логикой предположения.

— Похоже на то, — говорит он серьёзно. — Такой набор фотографий действительно нужен для качественной замены лица в видео. Случайная подборка обычно разнороднее по качеству, а здесь явно отбирали целенаправленно.

Сию неподвижно, пытаюсь осмыслить масштаб происходящего — коллега, всегда казавшийся просто немного навязчивым, оказывается, месяцами собирал материал для создания фальшивого видео, способного разрушить свадьбу и репутацию одним щелчком мыши.

— Нужно как-то поймать его с поличным, — говорю решительно, чувствуя, как гнев начинает вытеснять первоначальный шок. — Просто подозрений мало, нужны железные доказательства. Иначе он опять всё свалит на случайность или совпадение, как уже пытался с чеком за бензин.

Антон задумывается, барабанит пальцами по столу, обду-

мывая варианты. Чайник на плите начинает тихо посвистывать, но никто из нас не встаёт его выключить, слишком поглощённые разговором.

— Есть один способ, — говорит он наконец. — Создадим на твоём облаке фейковую папку, назовём как-нибудь заманчиво — «Важные документы» или «Личное». Положим туда файл-маячок, отслеживающий любое открытие или копирование. Если Дима снова полезет проверять твоё хранилище, мы точно узнаем.

— А это законно вообще, такие маячки ставить? — уточняю, чувствуя укол сомнения посреди накопившейся решимости.

— Это твоё собственное хранилище, ты вправе делать с ним что угодно, — отвечает Антон уверенно. — Мы не взламываем ничего чужого, просто фиксируем действия внутри твоего же аккаунта. Юридически чисто.

— А если не полезет? — спрашиваю с сомнением. — Вдруг он уже понял, что рискованно продолжать.

— Тогда попробуем другой путь, — пожимает плечами Антон. — Но чутьё подсказывает, такие люди редко останавливаются вовремя, особенно если чувствуют безнаказанность после первого удачного захода. Азарт обычно оказывается сильнее осторожности, рано или поздно они допускают ошибку.

Соглашаюсь на план, хотя внутри одновременно борются азарт охотника и брезгливая тошнота от самой мысли рас-

ставлять ловушки коллеге, ещё месяц назад спокойно обсуждавшему со мной рабочие макеты. Антон открывает облачное хранилище на своём компьютере, создаёт новую папку с провокационным названием, загружает туда несколько случайных документов для правдоподобия, вставляет специальный код, отслеживающий любое взаимодействие с файлами. Работает быстро, уверенно, не сверяясь с инструкциями, будто проделывал подобное уже не раз в прошлом по совершенно другим поводам.

— Готово, — объявляет он, закрывая ноутбук. — Теперь остаётся только ждать.

Смотрю на экран погасшего монитора, представляя, как где-то в квартире на востоке города Дима сейчас, возможно, снова открывает моё облако глубокой ночью, не подозревая о расставленной ловушке, ожидающей его следующего неосторожного шага. Антон убирает распечатку в папку на полке, аккуратно, будто важный документ, а не свидетельство чужого предательства.

— Спасибо, что не отговариваешь меня от всего этого, — говорю тихо, глядя, как он закрывает шкаф. — Многие бы сказали просто забыть, отпустить ситуацию.

— Забыть — не то же самое, что решить проблему, — отвечает он серьёзно. — Иногда правильнее разобраться до конца, даже если это неприятно.

За окном дождь усиливается, барабанит по подоконнику мерным ритмом, а чайник на плите наконец замолкает, за-

бытый обоими до самого конца разговора. Допиваем остывший чай молча, каждый погружённый в собственные мысли о завтрашнем дне, о возможной развязке, притаившейся где-то совсем близко.

Глава 14. Первое сближение

— Останешься доделать презентацию? — спрашивает Антон, заглядывая в переговорку, где я сижу уже третий час подряд, окружённая распечатками макетов.

— Похоже, придётся, — отвечаю, потирая уставшие глаза. — Клиент завтра утром хочет финальную версию, а у меня ещё половина слайдов не готова.

— Принести кофе? — предлагает он, задерживаясь в дверях. — Судя по количеству бумаг на столе, вечер предстоит долгий.

Киваю благодарно, и через пару минут он возвращается с двумя чашками, ставит одну рядом с моим ноутбуком, не задавая лишних вопросов про сахар или молоко — уже запомнил, что пью чёрный без добавок.

Офис постепенно пустеет вокруг нас, коллеги расходятся по домам один за другим, гаснут мониторы, затихают разговоры у кофемашины. Антон садится напротив, раскладывает собственные бумаги — тоже задержался ради какого-то отчёта, требующего завтрашней сдачи.

Работаем молча какое-то время, слышен только стук клавиш и редкое шуршание бумаг. За окном темнеет, город зажигает огни, а внутри переговорки становится по-особенному тихо и уютно, будто мы отгорожены от остального мира

тонкой стеклянной перегородкой.

— Знаешь, у меня была девушка, — говорит Антон неожиданно, отрываясь от экрана, — года три назад. Долго встречались, даже жить вместе собирались. Купили вместе кофемашину, обсуждали планы на отпуск, всё было довольно серьёзно на тот момент.

Поднимаю голову, удивлённая внезапной откровенностью — обычно он не делится личным настолько свободно.

— И что случилось? — спрашиваю осторожно, боясь спугнуть редкий момент откровенности.

— Она не понимала моё увлечение работой, — Антон откидывается на спинку стула, взгляд устремлён куда-то в темноту за окном. — Считала, что я прячусь за код и мониторы вместо того, чтобы жить настоящей жизнью. Постоянно упрекала, что провожу вечера за отладкой вместо походов в кино или к друзьям. В итоге просто устала от постоянных претензий и ушла, оставив записку на холодильнике вместо разговора.

— А тебе действительно это интереснее? — уточняю мягко.

— Не то чтобы интереснее, просто это часть меня, — пожимает плечами он. — Я так расслабляюсь, так думаю, так решаю проблемы. Она воспринимала это как отказ от неё лично, хотя дело вообще не в этом было.

Слушаю внимательно, чувствуя странный отклик внутри — знакомая боль непонимания, только с другой стороны ис-

тории. Отпиваю кофе, уже почти остывший, но это не важно сейчас, важнее слова, звучащие удивительно созвучно собственному опыту.

— Артём тоже не особо понимал моё увлечение дизайном, — признаюсь тихо. — Говорил, что рисование кнопочек не настоящая работа, вот программирование или продажи — это серьёзно, а моё занятие просто развлечение с красивой картинкой.

— Серьёзно так и говорил? — Антон хмурится, явно возмущённый услышанным.

— Не прямо этими словами, но смысл читался безошибочно, — киваю, вспоминая многочисленные подобные разговоры. — Каждый раз, когда я допоздна засиживалась над проектом, слышала одно и то же — брось уже, пойдём лучше сериал посмотрим. А если пыталась объяснить, почему конкретная деталь важна, он просто отключался посреди фразы, листал телефон.

— Это разные вещи совсем, — говорит Антон убеждённо. — Увлечённость своим делом и отстранённость от партнёра — вообще не одно и то же. Настоящая близость не требует отказа от собственных интересов. Мне кажется, люди путают внимание с постоянным присутствием рядом, а это разные категории заботы.

Слова падают точно в цель, задевая что-то давно наболевшее внутри, годами копившееся без права высказаться вслух. Чувствую, как к глазам подступают неожиданные слё-

зы, быстро моргаю, стараясь справиться с внезапной волной эмоций. Отворачиваюсь на секунду к окну, делая вид, что разглядываю ночной город, лишь бы не показать предательскую влагу в глазах постороннему, пусть и доброжелательному, человеку.

Антон замечает мгновенно, придвигается ближе, кладёт руку мне на плечо — жест простой, дружеский, призванный просто успокоить, поддержать в трудную минуту. Но от прикосновения по коже пробегает странная искра, тепло его ладони ощущается гораздо отчётливее обычного дружеского контакта, а сердце начинает биться быстрее привычного рабочего ритма. Секунда растягивается непривычно долго, будто время в переговорке замедлило собственный ход специально ради этого момента.

Замираем оба на секунду, взгляды встречаются напрямую, слишком близко, слишком долго для простого жеста поддержки коллеги. Замечаю мелкую морщинку между его бровями, лёгкую щетину на подбородке, отросшую за долгий рабочий день, — детали, обычно ускользающие от внимания при обычном офисном общении. Воздух между нами будто густеет, наполняется невысказанным напряжением — ни один из нас пока не готов заговорить о нём вслух.

Антон первым отстраняется, убирает руку резко, будто обжёгшись, отводит взгляд в сторону монитора. Кресло скрипит под ним, когда он поспешно возвращается к прежней позе, будто пытаясь физически восстановить привычную

дистанцию между нами.

— Извини, — бормочет он, прочищая горло. — Не хотел смущать.

— Всё нормально, — отвечаю поспешно, чувствуя, как щёки заливают предательский румянец. — Спасибо, что выслушал.

Возвращаемся к работе оба, но сосредоточиться теперь получается с трудом — мысли постоянно соскальзывают обратно к той секунде прикосновения, к странной искре, пробежавшей между нами без спроса. Печатаю какие-то цифры в таблицу, потом замечаю ошибку, исправляю, снова отвлекаюсь, ловлю себя на том, что смотрю на его руки поверх клавиатуры вместо собственного экрана.

Домой еду поздно вечером на такси, глядя в окно на проплывающие мимо фонари, а внутри крутится непрощеная мысль, оформляющаяся постепенно во что-то конкретное. Улицы почти пустые в этот час, редкие прохожие спешат домой, кутаясь в куртки от ночной прохлады, а водитель тихо включил радио, где диктор бормочет прогноз погоды на завтра. Антон умный, спокойный, надёжный — рядом с ним не приходится доказывать значимость собственных увлечений, объяснять очевидные вещи по десять раз подряд. Он слушает внимательно, реагирует адекватно, поддерживает без снисходительности или скрытого раздражения.

Достаю телефон, машинально открываю переписку с Артёмом — накопившиеся непрочитанные сообщения, послед-

ние снова про паузу, снова про недопонимание. Читаю бегом, не чувствуя привычной тоски по прежней жизни вдвоём, только лёгкую усталость от повторяющихся упрёков.

Странно, но скучать по Артёму почти перестала — тревога о видео, о Диме, о будущем полностью вытеснила прежнюю привязанность, а на её месте образовалась пустота, постепенно заполняемая совсем другим присутствием, тихим и надёжным. Раньше, стоило ему не написать пару часов, начинала волноваться, проверять телефон каждые пять минут. Теперь же дни проходят спокойно, без судорожного ожидания сообщений, будто внутренний механизм тревоги за отношения просто выключился сам собой.

Закрываю переписку, убираю телефон обратно в сумку, глядя на собственное отражение в тёмном стекле такси — усталое лицо, но глаза необычно живые, будто внутри что-то важное сдвинулось с мёртвой точки после долгих месяцев застоя.

Глава 15. Ловушка захлопывается

— Дим, у меня тут беда с флешкой, — говорю, подходя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.